

Л. Ф. ЗАЛЬЦМАН

ЗАКОУЛКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЕВРАЗИЯ PARVUS LIBELLUS NOVUS

L. F. Salzman

MEDIAEVAL
BYWAYS

London: Constable and Company Ltd.
1913

Л. Ф. Зальцман

ЗАКОУЛКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург

2025

УДК 94(420)“.../1500”

ББК 63.3(0)4

3-25

Зальцман, Льюис Френсис.

3-25 Закоулки Средневековья / Л. Ф. Зальцман ; пер. с англ. Е. Е. Преображенской. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 190 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus novus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0720-6

Дух Средневековья, плоть и кровь повседневной жизни интересовали Л. Ф. Зальцмана не менее чем экономическая история. Если «Жизнь в Англии в Средние века» посвящена обыденности, то «Закоулки Средневековья» отдадут должное всему маргинальному и экзотическому. Героями повествования становятся алхимики, астрологи, шарлатаны-целители, преступники. Компанию им составляют слоны, драконы, львы, василиски, грифоны, а еще ужасный Ламбтонский Червь и подаренный королю Генриху III белый медведь, которого «водили купаться в Темзе, чтобы он мог развлечься и поймать рыбу». И нет разницы между животными из зверинцев королей и знати и монстрами из бестиария — они занимают в сознании людей Средневековья равноправные места. Им сопутствуют диковинные товары, преимущественно предметы роскоши, и экзотические путешествия за пределы цивилизованного мира. Сам автор сказал о своем труде так: «Эта книга и была написана с определенной целью, но цель эта состояла не в том, чтобы наставлять и поучать, а скорее в том, чтобы заинтересовать и развлечь, что является гораздо более высокой миссией.»

УДК 94(420)“.../1500”

ББК 63.3(0)4

Электронное издание на основе печатного издания: Закоулки Средневековья / Л. Ф. Зальцман ; пер. с англ. Е. Е. Преображенской. — Санкт-Петербург : Евразия, 2024. — 192 с. — (Parvus libellus novus). — ISBN 978-5-8071-0597-4. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0720-6

© Преображенская Е. Е., перевод, 2022

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2024

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2024

Предисловие

*Различные личные наблюдения,
не имеющие важности*

Исследование юридических и прочих документов, находящихся в Государственном архиве и аналогичных хранилищах древних актов, — это занятие, которое мои друзья из вежливости называют «очень интересным», не очень-то веря, что кто-то может взяться за такое скучное занятие, не проявляя к нему интереса. И нужно признать, что есть основания косо смотреть на подобную работу. Начнем с того, что доходы от исторических исследований обычно незначительны или даже отрицательны, а следовательно, это явно нежелательное, если не предосудительное занятие. В таком случае совершенно верно, что подавляющее большинство таких записей так же сухо, как пыль, которая скапливается на них, и что во многих случаях интерес, который они представляют, носит случайный характер, поскольку вызван их связью с конкретным местом или человеком, личность которого заслуживает внимания.

6 Таким образом, даже самые тривиальные детали иска Уильяма S. против Фрэнсиса В. вызвали бы всепоглощающий интерес, если бы под S. выступал Шекспир, а под В. — Бэкон, но очень велики шансы, что S. будет обозначать Смит, а В. — Браун. В то же время непрактичный исследователь, позволяющий отвлечь свое внимание и не ограничивающийся лишь объектом исследования, часто вознаграждается обнаружением записей причудливых, забавных или мрачных, проливающих свет на жизни людей, имена которых стерлись из памяти столетия назад. Свет может быть тусклым, но, тем не менее, это свет, который нельзя увидеть где-либо еще, поскольку истории с большой буквы «И» озабочены лишь действиями королей, государственных деятелей и других важных персон, в то время как эти записи рассказывают нам о жизни тех, кто в свое время, как и большинство из нас ныне, были центром своего собственного микрокосма, но не играли значимой роли на мировой арене. Я полагаю, что не преувеличу, сказав, что только через близость к национальным записям (я бы использовал это слово в самом широком смысле, чтобы включить также надписи на камне и дереве, и даже на глине, даже с помощью информации, кроющейся за земляными валами и живыми изгородями) можно

получить некоторое представление о средневековом духе.

Этот дух очень хрупок, хотя одной из его главных черт является необычайная прямота и простота и то, что его легче понять, чем объяснить. Но даже если средневековый дух бы было легко исследовать и анализировать, учитывая такие его особенности, как юмор, страх перед Богом и дьяволом и т. д., то не следовало бы делать это здесь. Так как, хотя эта книга и была написана с определенной целью, но цель эта состояла не в том, чтобы наставлять и поучать, а скорее в том, чтобы заинтересовать и развлечь, что является гораздо более высокой миссией, и если читатель, знакомясь с этой книгой, почувствует, что он приобрел знания, это произойдет, вероятно, во многом благодаря работе художника, который воплотил в рисунках нечто большее, чем материальные детали событий, которые писатель связал воедино.

Что касается следующих полудюжины эссе, то их происхождение было почти таким же спонтанным, как и у Топси¹; как и она, они

¹ Топси (англ. Topsy; около 1875 – 4 января 1903, Кони-Айленд, Нью-Йорк, США) – азиатская слониха, выступавшая в цирке американского антрепренера Адама Форпо в нью-йоркском Луна-парке. – *Здесь и далее – примечания редактора.*

8 просто росли. Мне посчастливилось потратить много времени на поиски древних документов любого рода, и действительно, едва ли найдутся дореформационные документы, сохранившиеся между Ченсери-Лейн и Феттерлейн, в которые я бы не углублялся. Более того, будучи неметодичным по своей натуре, даже не располагая временем, я позволял себе не упускать из вида любую странную или необычную запись, даже если она не имела ничего общего с объектом моих поисков. Замечу также, что я редко могу найти нужное слово в Новом словаре английского языка, потому что мне попадаетея гораздо больше интересных слов в других источниках. Таким образом, мои записные книжки наполнялись замысловатыми и очаровательными кусочками старины, многие из которых были облачены в причудливый наряд архаичного английского языка, который придает им пикантность, а иногда и нотку непреднамеренного юмора. Чувствуя сожаление о том, что такие сокровища до сих пор скрыты от людей, я связал некоторые из них воедино, дополнив свой материал параллельными отрывками из некоторых менее известных хроник и других печатных источников.

Полученные результаты были опубликованы в виде эссе в Oxford and Cambridge Review

и, как мне кажется, доставили определенное удовольствие некоторым из читателей. Во всяком случае, меня попросили переиздать их в виде давно запланированной к изданию книги, и редактор Oxford and Cambridge Review любезно предоставил мне не только возможность, но и поддержку. Я решил проиллюстрировать книгу, но несколько попыток заручиться услугами разных художников провалились, и вот однажды меня представили мистеру Джорджу Крюгеру, чьи работы хвалить было бы излишне.

Что касается конкретных источников, из которых взяты мои рассказы, они весьма разнообразны, но любопытным будет интересно узнать, что наиболее информативными оказались материалы Канцелярского суда, на более поздние документы которого опирался Диккенс в «Холодном доме», описывая дело Джарндисов против Джарндисов.

Это связано с тем, что в этой области больше записей, чем в любых других по столь же ранней эпохе, в протоколах часто встречается разговорный язык. Стоит отметить, что многие дела, которые мне попадались, зафиксированы на латыни или на этом ужасном законном французском языке, с вульгаризированным произношением, записанным эксцентричной орфографией XV–XVI веков. С исторической

10 точки зрения, о юридических документах такого типа можно сказать кое-что важное: они полностью свободны от предубеждений. Никто не ожидает от истца или ответчика беспристрастности. И нет ничего более безнадежно вводящего в заблуждение с исторической точки зрения, чем беспристрастность. Во-первых, беспристрастный историк практически неинтересен; труды наиболее беспристрастного в юридическом отношении историка нашего времени — если судить по английской истории — не читаются. Более того, хотя он и точен, и кропотлив, они производят совершенно неправильное впечатление, точнее не производят впечатления вообще. «История Реформации», написанная таким образом, была бы бесконечно далека от истины, в отличие от истории Фруда или Гаске. Чтобы проиллюстрировать, что я имею в виду, приведу пример, исходя из современных событий: в будущем какой-нибудь историк, несомненно, напишет честно и беспристрастно о реформе тарифов, избирательном праве женщин и национальном страховании. Таким образом, он полностью упустит значение этих движений; личности мистера Ллойд Джорджа, миссис Панкхерст и мистера Джозефа Чемберлена не являются предметами для холодного и беспристрастного рассмотрения, и только благодаря

благословенному дару предубеждений историк будущего сможет проникнуться чувствами нынешнего поколения и почувствовать истинную неогеогианскую атмосферу.

Хроники, которые составляют главный из моих дополнительных источников, полны жизни и предрассудков. Очень человеческими были многие из этих писателей — от блестящего валлийского протожурналиста Джеральда де Барри до почтенных лондонцев Грегори и Фабьяна.

Интереснее всего рифмованные записи; в них есть множество деталей, которые мне нравятся, и утрату «Трои» Лидгейта или утрату забытого дедушки английской поэзии «Беовульфа» я перенес бы с большим хладнокровием, чем утрату таких строк, как зарисовка об осаде Руана, написанных Джоном Пейджем:

Все в стихах и не в рифму.
Из-за места у него не было времени.

Немногие стихи могут сравниться с этим произведением в его ярком изображении военных операций в XV веке, где две стороны конфликта, описание армии и страданий мирных жителей контрастируют с замечательным по силе драматизма отрывком, повествующем о том, как были разбиты два павильона между английским лагерем и стенами

- 12 города для делегатов, назначенных соперничающими странами, чтобы обсудить условия мира.

Это был торжественный вид
Обе стороны собрались, чтобы увидеть
друг друга.

Увидеть павильоны на этом месте,
Людей, что собрались у стен,
И прочих людей, которые вышли,
Что стояли и ходили вокруг.
Было утешительно видеть
Множество войск, проходивших по городу,
Короли, рыцари и слуги
С гербами и флагамию.
Английский зверь, французский цветок,
Портингейл — замок с башней,
И прочие разнообразия
Как медведи лордов на их знаменах,
Осыпанные золотом, они начали
Едва солнце осветило их.
Этот знак был радостен и дорог
Но вокруг было столько сожаления и боли
Несчастных людей, что оставлены здесь,
И ничто иное, как туча,
И одежды на их спинах
Скрывали их от дождя
Погода причиняла им боль.
Все это время шел дождь.
Люди видели там скорбные сцены:
Ребенок лет двух или трех
Пытался выпросить хлеба,
Отец и мать оба мертвы.
Под некоторыми [из тел] стояла вода,
И даже лежавшие молили о еде,
И некоторые умирали от голода
И прекращали дышать.

Некоторые стояли на коленях
И были худы, словно деревья,
И женщины держали в своих руках
Мертвых детей своих.

Это были такие разные картины:
Одна — радости, другая — боли,
Разные, как ад и рай,
Где одним — хорошо, там другим — горе...

Все стихотворение демонстрирует префаэлитскую любовь к деталям в сочетании с драматургическими ценностями, и то же самое можно сказать о многих других рифмованных хрониках, политических стихотворениях и тематических балладах. В качестве примера значимости такой поэзии в интерпретации средневекового духа я мог бы привести поэму «История Вильяма Маршала» и то, как оно проливает свет на дни рыцарства. В этом восхвалении великого графа Пембрука²

² Уильям Маршал (англ. William Marshal, фр. Guillaume le Maréchal, англо-норм. Williame li Mareschal; ок. 1146/1147 — 14 мая 1219) — 1-й граф Пембрук с 1189 года, маршал королевского двора с 1194 года, юстициарий Англии в 1190–1194 годах, шериф Глостершира в 1190–1195, 1199–1207 годах. Уильям Маршал, по мнению современников, являлся величайшим рыцарем христианского мира. Руководил королевской армией во время Первой баронской войны (1215–1217), был одним из гарантов Великой хартии вольностей 1215 года, а после смерти Иоанна Безземельного осуществлял функции регента Англии.

- 14 деловая запись денежной прибыли, полученной в результате его мастерства на турнирах, словно снимает с него позолоту, так же как и подробности бойни и последующей продажи³ после нее. Принимая во внимание в высшей степени цитируемый характер этих строк, действительно весьма примечательно, что я так мало использовал их в своих эссе, охватывающих столь широкий круг вопросов. Также очень жаль, что ими так пренебрегают те, чье дело — преподавать историю. Разумное использование подобных материалов сделало бы историю живой, но, к сожалению, широко распространена идея, что даты — это начало и конец истории, и это заблуждение подпитывается тем значением, которым их обычно наделяют в исследовании. Следовало бы помнить о том, что в действительности даты совершенно не важны и не имеют никакой ценности сами по себе, но полезны исключительно как *memoria technicse* для установления последовательности событий; например, не имеет никакого значения (за исключением, возможно, значения для астрологов), что

³ Победитель рыцарского поединка получал доспехи и боевого коня побежденного. Зачастую и сам побежденный попадал в плен к победителю и был вынужден выкупать себя.

Черная смерть разразилась в 1349 году и что Крестьянское восстание было в 1381 году, но очень большое значение имеет тот факт, что одно из этих событий случилось через поколение после другого. Однако обсуждение правильных и неправильных методов преподавания истории — это слишком обширная тема, чтобы ее можно было касаться в финале этих отрывочных размышлений, которые должны были стать введением к следующим эссе. Так что, если у кого-то из читателей есть необычная привычка начинать книгу с введения, я прощаюсь с ними и желаю им приятного путешествия по средневековым переулкам.

I. Знахари и прочие

Алхимики

Циклическая тенденция, столь очевидная в природе, не в последнюю очередь применима к области знаний. Открытие одной эпохи теряется в следующей, чтобы вновь появиться позже, преподносимое как триумф современной изобретательности или науки. На картах трехвековой давности Нил изображался восходящим из Великих озер, но в атласах, которыми пользовались наши отцы, озера исчезли, и появился ряд воображаемых гор, словно маленькая шерстистая гусеница в самом сердце Африки, только для того, чтобы в наши дни снова быть замененными на Великие озера.

Драконы, будучи обычным явлением в древности, впали в незаслуженное забвение, само их существование отрицалось скептически настроенным поколением, и только в последние

годы они были спасены и реабилитированы людьми науки, которые, стыдясь признаться, что нашли сказочных монстров, замаскировали их под многосложным классом «завров». Рассказы о путешествиях старого Геродота, над которыми

ми посмеивались лучшие умы лишенной воображения викторианской эпохи, сейчас ежедневно получают признание. Царь Кедорлаомер и другие достойные люди, которые после столетий безупречного библейского существования были стерты германскими критиками, вновь появились на табличках из нетленной глины, извлеченных археологами; а в более приземленных вопросах оказалось, что самые последние достижения санитарной науки были известны 60 веков назад во дворцах Крита.

Так получилось и с алхимией. Превращение неблагородных металлов в благородные, прежде всего в золото, считалось возможным с самых ранних исторических времен и до XVII века. Затем распространение печати позволило опубликовать свои идеи и теории такому количеству приверженцев науки, что вся

18 вера в алхимию была сметена потоком мистической чепухи, но теперь наука снова встала на порог познания трансмутации. Похоже, что алхимики древности основывали свои теории на вере в то, что все металлы, да и вся материя, содержат один общий элемент, а самой чистой и совершенной формой на земле является золото. Когда ученые открыли атомную теорию, это было опровергнуто. Были приведены неопровержимые доказательства того, что определенные вещества, такие как золото и серебро, являлись химическими элементами и что элементы состояли исключительно из скоплений неделимых атомов, каждый из которых обладал характеристиками своего конкретного элемента.

Иными словами, золото оказалось золотом, а серебро — серебром, и точка. Но сейчас неделимые атомы начинают разлетаться на части под умелой и безжалостной атакой современных ученых, и не будет ничего удивительного, если мы доживем до того, как химические элементы из нашей школьной программы сведутся к комбинациям двух или трех первичных элементов, даже при условии, что изначальный элемент, великую первопричину, невозможно взвесить, измерить или сфотографировать. Таким образом, если золото и серебро можно разложить на одни

и те же составляющие, вполне возможно, что эти составляющие можно рекомбинировать таким образом, чтобы серебро стало золотом, а золото — серебром. Для научного ума эти две трансмутации имели бы равную ценность, но для философа, всегда стремящегося к совершенству и для грязного спекулянта, всегда стремящегося к прибыли, целью всегда был производство золота из менее ценного металла.

Естественно, в юридических документах мало сведений о средневековых алхимиках. Их разбирательства были безобидны, и не было цели подчинить их юрисдикции какого-либо суда, кроме, возможно, дел о банкротстве. Одно из редких исключений из этого правила молчания произошло в 1463 году, когда Эдуард IV даровал сэру Генри Грею из Коднора в Дербишире полномочия трудиться с помощью хитрости философии над трансмутацией металлов, со всем необходимым для этого, за королевский счет, при условии, что он будет докладывать королю, если от этого выйдет какая-либо прибыль. Условия гранта сложно назвать либеральными. Два года спустя король решил, что у сэра Генри было достаточно времени для экспериментов, и призвал его отчитаться о достижениях. Философ, которому, вероятно, нечего было

20 рассказать, не явился, и его дело было отложено на пять лет.

Наконец, была назначена новая дата его появления в суде в середине октября 1470 года, но до этой даты Его Величество, в связи с некоторыми необходимыми и неотложными причинами, заставляющими его бежать, совершил путешествие из своих земель в Англии в чужие края, не оставив регента или опекуна королевства, поэтому Бароны Казначейства не явились. Читая придирчивый приговор, можно понять, что 3 октября король Эдуард, по словам Спида, «бежал из своих земель, кроме Ноттингема, пересекая Уош в сторону Линна, с большими трудностями, чем полагается принцу во время приключений, и, таким образом, без какого-либо напутствия для Королевства, на двух голландских хольках и одном английском корабле, лишенном всех необходимых припасов, отплыл в сторону Бургундии, и на пути им встретились истерлинги¹, главные враги Англии, которые оказались удивлены несказанно». Позже была изложена более вежливая версия событий, но мы точно знаем о том, как Генрих VI вернул свое королевство от Эдуарда, «фактически короля, но не по пра-

¹ Жители стран, находящихся на востоке, ганзейские купцы, не брезговавшие пиратством.

ву». Можем предположить, что алхимия пера, благодаря которой розоватая ланкастерская версия превратилась в бесцветное заявление йоркистов, была более успешной, чем алхимия сэра Генри Грея.

Но, несмотря на неудачу сэра Генри Грея, в 1476 году король позволил Дэвиду Бопи и Джону Мерчонту в течение четырех лет практиковать «естественные науки получения золота и серебра из ртути». В XV веке алхимия поистине процветала. В 1468 году Ричард Картер получил полномочия практиковать это искусство, а во времена Генриха VI было выдано несколько таких лицензий. Таким образом, в 1444 году Эдвард Коббе был уполномочен «искусством философии преобразовать несовершенные металлы из себе подобных и превратить их в золото или серебро»; два года спустя сэр Эдмунд Траффорд и сэр Томас Эштон получили право трансмутировать металлы, а в 1446 году Джон Фосеби, Джон Киркеби и Джон Рейни получили королевское разрешение найти философский камень или эликсир жизни и трансмутировать металлы. Предположительно необходимость королевской лицензии во всех этих случаях была обоснована принадлежностью королю всех рудников, а следовательно, и источников всех драгоценных металлов. Жадные глаза смотрели

22 на алхимию как на возможный источник дохода по крайней мере еще в 1330 году, когда Томасу Кэри приказали предстать перед королем Эдуардом III. Как и Джону ле Ру и мастеру Уильяму де Далби, которые, как говорили, могли делать серебро с помощью алхимии, приказали явиться с инструментами и всем необходимым для их ремесла. Но обо всех этих ученых и философах больше ничего не было слышно, и, хотя я не исследовал отчеты о слитках, купленных для Монетного двора, можно с уверенностью утверждать, что вся их наука и философия приносила мало прибыли. Алхимия, как и многие другие области знаний, нашла свое пристанище в монастырях. Есть история об аббате в одном из западных графств, который во время секуляризации спрятал свои книги и рукописи по искусству герметики в стене, но, когда возвратился, чтобы забрать их, ничего не нашел, и от горя из-за этой потери лишился рассудка. Томас Эллис, настоятель из Эссекса, понес больше потерь, чем пользы от занятий этим искусством. Слухи о его умении манипулировать металлами заставили заподозрить его в чеканке монет, и ему пришлось отчитываться об этом.

Его интерес к теории алхимии, который он почерпнул из книг, был разгорячен «общени-

...наняв молодого послушника монастыря...

ем с Кроуторном (Крауторном?), ювелиром с Лумбард-стрит, который рассказывал, что был некий священник, сэр Джордж, который учил его хитростям в подобных делах». Этот священник, в свою очередь, представил настоятеля некоему Томасу Питеру, лондонскому суконнику, «который утверждал, что его знания алхимии лучше, чем у кого-либо в Англии». Настоятель поверил ему и пообещал заплатить 20 фунтов за уроки искусства, а также дал ему 20 ноблей вперед. Затем мастер Питер дал своему ученику немного серебра

24 и ртути с инструкциями, как с ними обращаться. Настоятель Эллис герметично запечатал эти металлы в стеклянном сосуде, который затем поместил в глиняный горшок, наполненный водой, и держал его горячим в течение десяти или более недель, наняв молодого послушника монастыря, Эдмунда Фрека, мальчика двенадцати лет, чтобы поддерживать постоянный огонь. Мастер Питер приходил время от времени, чтобы посмотреть, как идут дела, и, без сомнения, положительно отзывался о ходе эксперимента, но через некоторое время настоятель «убедился, что это было лишь ложное ремесло», разбил стеклянный сосуд, продал серебро за то, что он мог за него выручить, и отказался платить своему инструктору оставшиеся 20 марок. Однако Питер, который умел делать деньги на людях лучше, чем золото из серебра, пригрозил иском о выплате долга, и, так случилось, что как раз в это время настоятелю предложили 20 марок за аренду дома приходского священника, так что он отдал деньги мастеру Питеру. «И, таким образом, я никогда не связывался больше ни с ним, ни с ремеслом, и никогда не буду, даст Бог».

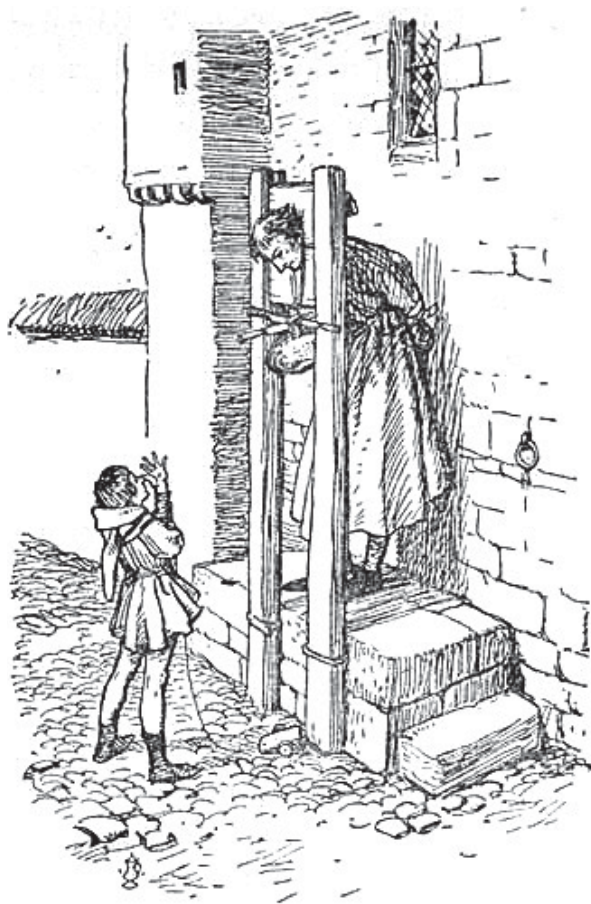
До появления Шерлока Холмса и научных методов сбора улик способы отслеживания потерянного или украденного имущества были замысловатыми и разнообразными. Некоторое время люди часто просили о помощи святого Антония Падуанского. Я не знаю, почему этому доброму святому пришлось взяться за детективную работу; возможно, его перепутали с его тезкой, отшельником, чью свинью вполне можно было обучить искать потерянные предметы, как менее священных свиней учат охоте на трюфели, или, возможно, как было сказано о человеке, который женился на пяти женщинах, «это было его хобби». Как бы то ни было, мне известны отличные результаты, полученные в результате обещания свечи или повторения патерностера в честь святого Антония; молитва была более популярным предложением, дешевле для просящего и вернее для святого — свечу, скорее всего, так и не поставят, когда собственность будет возвращена, или свечи могут заблудиться и вовсе загореться перед алтарем другого святого Антония, который, вероятно, был слишком занят в дореформационные времена, присматривая за скотом своих приверженцев, чтобы еще беспокоиться о потерянном

26 имуществе. Следовательно, человек, который хотел получить сверхъестественную помощь в поиске потерянного имущества, был вынужден обращаться к колдунам и им подобным, зачастую совершенно некомпетентным особам. К сожалению современного исследователя, не сохранилось никаких свидетельств, подтверждающих компетентность этих магов, и только их неудачи обеспечили им долгую славу на века.

Лондон, естественно, был крупным центром для этих оккультных детективов, и, похоже, они имели влиятельных покровителей. В 1390 году, когда из дома герцога Йоркского украли два серебряных блюда, обратились к некоему Джону Беркингу, еврею-ренегату, который провел определенные обряды, в результате которых обвинил одного из слуг герцога, Уильяма Шейдуотера. Точно так же, когда примерно в то же время была украдена отороченная мехом алая мантия леди Диспенсер, Беркинг без колебаний обвинил Роберта Трисдена и Джона Гейта. Его репутация, без сомнения, была отличной, но эти два случая оказались для него катастрофическими; обвиняемые стороны арестовали его, и он был признан виновным в обмане и диффамации, простоял у позорного столба в течение часа, а затем был изгнан из города.

В этом деле ничего не сказано об используемых средствах гадания, но в двух случаях, произошедших в Лондоне в 1382 году, приводятся подробности. Когда Саймон Гардинер потерял свою чашу, он нанял немца по имени Генри Пот, чтобы найти ее. Тот сделал тридцать два шара из белой глины и после соответствующих заклинаний назвал имена воров — Николаса Фримана и его жену Кристину. И снова ошибка привела фокусника к позорному столбу, та же участь постигла и Роберта Беревольда. В данном случае также была украдена чаша; она принадлежала Мод Ай, и ее друг, некий Алан, водовоз, который, очевидно, высоко ценил силу Роберта, позвал его. Роберт взял буханку хлеба и прикрепил к ней круглый деревянный колышек и четыре ножа с четырех сторон, в форме креста; его дальнейшие действия смутно описываются как «художественная магия». В результате было предъявлено обвинение Джоан Вулси, которое в конечном итоге привело к появлению Роберта Беревольда у позорного столба с буханкой на шее.

Связь между чашами и магией не очевидна, но в 1501 году, когда приходской служащий Джон Ричардсон потерял чашу стоимостью 26 шиллингов, он сразу обратился за помощью к Николасу Ханводе, «взяв с собой множество

*...привело к появлению Роберта Беревольда
у позорного столба с буханкой на шее...*

маленьких детей, чтобы они могли отражаться в зеркале». Протокол поврежден, но достаточно разборчив, чтобы показать, что жертву арестовали и заключили в тюрьму и Ханвода мог только умолять о вмешательстве Канцелярского суда. В этом последнем случае мы явно имеем дело с гаданием на стекле, кристалле или подобном носителе — если память мне не изменяет, индийцы в «Лунном камне» использовали лужу чернил. Буханка и ножи кажутся мне мало знакомыми в качестве инструментов гадания, и описать правильный церемониал для меня сложная задача. Трудно понять и то, как размещались тридцать два глиняных шара, если, возможно, они не использовались для построения какой-то геомантической фигуры.

До сих пор мы имели дело с настоящими, хотя и неточными, магами, но случай, произошедший в Лондоне в 1382 году, показывает, что мошенники были даже в этой профессии. Госпожа Элис Триг, потерявшая свой парижский платок, заподозрила Элис Бинтам в его краже, и, очевидно, не без причины. Эти две женщины, кажется, были довольно близко знакомы. Элис Бинтам отправилась к сапожнику Уильяму Нортгемптону и поведала ему информацию о некоторых очень личных вопросах, касающихся другой Элис. Затем Уильям

30 пошел к госпоже Триг и представился мудрым человеком (возможно, им он и был), опытным в магии (кем он не был) и раскрыл ей то, что знал о ее личных делах. Она, будучи должным образом впечатлена, спросила его, кто украл ее платок. На это он ответил, что, кто бы это ни был, конечно, это была не Элис Бинтам, и, опрометчиво увлекшись пророчествами, предрек женщине, что она утонет в течение месяца. Мрачная перспектива почти довела ее до ранней могилы, но в конце концов она выжила и увидела Уильяма стоящим у позорного столба.

Случай, описанный в Линкольншире в XVI веке, интересен тем, что демонстрирует нечто большее, чем репутация, которой пользуются некоторые из этих хитрых людей в той местности. Когда в Холбиче ограбили церковь, прихожане посоветовались со своим земляком Джоном Ламкином, человеком, обладавшим, как известно, «значительными познаниями в грамматике», которой он обучал соседских детей. Как судачили, он был искусен в таких искусствах, как чародейство, колдовство и магия. По просьбе церковных старост он отправился посоветоваться с Эдмундом Нэшем, колесным мастером, известным как «знаток украденных вещей». Тот жил в Чичестере, который, возможно, был либо

Чичестером, либо Сайренчестером, поскольку в одних источниках его называют Chechestre, а в других — Circetter, но в любом случае он находился очень далеко. Ламкин взял с собой пару кожаных перчаток, найденных в ризнице после ограбления, и Нэш сделал по ним определенные выводы, что бросило подозрение на Джона Партриджа, который впоследствии жаловался, что «потерял друзей и репутацию и был доведен до дурной славы и клеветы». Версия истории Ламкина представляет Нэша всего лишь частным детективом, ищущим улики, не прибегая к магии, а также намекает, что репутация Партриджа не была большой потерей. Мало оснований верить как одному, так и другому.

Вероятно, самым популярным методом определения местонахождения утраченного имущества и личности вора было использование астрологии. Несколько лет назад, когда я был в одном из тех книжных магазинов, в которых в то время я проводил большую часть свободного времени и оставлял все деньги, мне предложили рукописный том, ранее принадлежавший Уильяму Лилли. В нем этот знаменитый, но изворотливый астролог записал несколько десятков расследований, проведенных им для клиентов и в основном связанных с поиском украденных вещей.

32 Факты были аккуратно сопоставлены, а интерпретация написана ниже, но, если мне не изменяет память, не было ничего, что могло бы показать, в скольких случаях расследования привели к какому-либо практическому результату. Я полагаю, что в Боделианской библиотеке есть два похожих тома, но мне не известно, что стало с этой конкретной копией: то ли из-за несправедливого налогообложения того года, то ли по какой-то иной причине мои средства не позволили мне приобрести эту книгу, и я с сожалением оставил ее в компании со столь желанным аугсбургским Миссалом² и пайновской редакцией Горация — редким изданием *post est*. Однако я захватил «Макрокосм» Фладда, с помощью которого я мог бы, если бы позволили время и знания в области движений вращающихся сфер, самостоятельно открыть филиал небесного Скотланд-Ярда.

Ранние астрологи, благодаря осторожной расплывчатости своих утверждений, избегали ловушек закона, в которые попали другие маги. Звезды не раскрывают имен, а только фиксируют — в предвкушении системы

² Миссал — богослужебная книга римской католической церкви. Аугсбургский Миссал — издание, приписываемое Иоганну Гуттенбергу.

бертильонажа — размеры и физические особенности воров. Если на основании этих подробностей клиент делает ложный вывод и обвиняет не того человека, тем хуже для него — звезды и их толкователи не виноваты. Никто не сказал резких слов в адрес лондонских астрологов, с которыми консультировался Роберт Кук. Кук был перевозчиком из Кендейла, который прибыл на юг в 1528 году с 30 фунтами, большая часть которых принадлежала другим людям, и остановился в доме Джона Баленджера в Сент-Айвсе. В течение дня он открывал свой багаж, покупал, продавал и выпивал вместе со своими покупателями, позволяя некоторым людям совершенно случайно почувствовать вес его кошелька, даже не открывая его. Наступила поздняя ночь, прежде чем они легли спать у Джона Баленджера, потому что «было десять часов, когда они пошли ужинать, ибо сколько бы каждый из них ни выручил за свои вещи, все желали поужинать», и когда они отправились в свои комнаты, по-видимому, дом был заполнен, так как Кук делил кровать с драпировщиком Джоном Фостером, в той же комнате находились и другие. На следующее утро, когда они грузили свои тюки на лошадей, Кук внезапно заметил, что один из его тюков был завязан другим узлом, а не тем, который обыкновенно завязывал

*...он принялся причитать,
схватившись за волосы...*

он сам. После этого он внезапно воскликнул: «Мой тюк не тот, что был вечером, клянусь Богом!» — и, открыв его, вынул драгоценный кошелек, обнаружив, что тот полон камней. Итак, он принялся причитать, схватившись за волосы, «покаялся не есть ни рыбу, ни мясо и побывать в Сен-Риньоне в Шотландии», если найдет свою пропажу. Затем со своим ночным соседом он поехал в Кембридж, чтобы «вычислить

утраченные деньги», но в этом учебном заведении они не смогли найти ни клерка, ни другого человека, который взялся бы «вычислять» упомянутые деньги. Однако, когда Роберт Кук приехал в Лондон, ему не составило труда найти астрологов, которые выразили беспрекословную убежденность в своей способности «вычислять» воров и сказали, «что с помощью искусства астрономии ему могут описать глаз, руку или другую часть тела ограбившего его человека». Можно отметить, что это обещание означало лишь то, что астроном мог дать описание каких-либо конкретных физических характеристик, необходимых для идентификации грабителя. В данном конкретном случае все свелось к описанию светловолосого человека с большими глазами, ни вьющимися, ни прямыми волосами, большим носом, среднего роста, красивого, с выразительным лицом и одним или несколькими черными зубами. Этот подробный отчет астроном, проявив скромность, предоставил на суд других, более образованных и опытных, чем он сам, и они гарантировали его точность. Оказалось, что это соответствует внешнему виду Джона Баленджера-младшего, сына хозяина дома, где ночевал Кук, за исключением того, что последний «не имел ни единого черного зуба». Чтобы доказать это, «Джон Баленджер был

...был вынужден сидеть и широко открывать челюсти...

вынужден сидеть и широко открывать челюсти, чтобы его зубы должным образом осмотрели... и после проведенного исследования выяснилось, что зубы упомянутого Джона все были белыми и хорошо ухоженными». К этому следует добавить то, что он был «хорошим молодым человеком, послушным, никогда не подозревавшимся ни в воровстве, ни в чем-либо другом», было еще одно подозрительное обстоятельство — самым большим камнем, найденным в кошельке Кука после предполагаемого ограбления, был кусок железного камня, которого нет в пределах сорока миль от Сент-Айвса, зато в Кендейле их очень много, поэтому неудивительно, что магистраты прекратили

дело против молодого Джона Баленджера. В конце концов, черный зуб — это как отпечаток пальца — изобличающее доказательство, если он есть, но и мощное оправдание, если он отсутствует, да и кто такой мировой судья, чтобы противоречить Юпитеру?

Черная магия

Учитывая то, насколько большую роль магия и сверхъестественное играли в жизни средневекового человека, любопытно, что в английских судебных протоколах до Реформации встречается так мало упоминаний о них. Древние хронисты и историки оживили многие скучные страницы самыми удивительными рассказами о грехах и тайнах, которые видели собственными глазами или узнали от надежных свидетелей, но цепочки юридических доказательств так же бессильны, чтобы связать этих легендарных колдунов, как и тройные железные цепи были бессильны удержать знаменитую Ведьму из Беркли. За исключением общих расплывчатых обвинений в колдовстве, выдвинутых против лоллардов и подобных им еретиков, упоминания о магии случайны и редко встречаются в наших судебных архивах.

38 Все изменяется в правление Елизаветы, и с середины XVI века до конца XVII темные искусства привлекают к себе внимание судей и магистров. Вероятно, двадцать судебных разбирательств, возбужденных в связи с этими «нечестивыми действиями», были предъявлены уже после Реформации, и хотя частично это связано с тем, что протоколы более поздних периодов сохранились гораздо лучше и в большем объеме, чем их предшественники, есть вероятность *post hoc* в случаях *propter hoc*. Можно утверждать, что Реформация, отменив для всех практических целей веру в чудеса Бога и Его святых, породила естественную тягу необразованного человека к сверхъестественному объяснению ненормального и могла быть удовлетворена только верой в чудеса Дьявола и его грешников. Как бы то ни было, факт остается фактом: после Реформации ведьмы и колдуны стали таким же обыденным явлением, как когда-то были святые монахини и отшельники — с научной точки зрения это было так же неудовлетворительно, как и прежние объяснения. Однако интересно рассмотреть несколько более ранних свидетельств.

Вполне вероятно, что мой самый ранний экземпляр прибыл из краев Хитрого Мюррелла. В 1169 году шериф Эссекса отметил, что

«издержал 5 шиллингов и 4 пенса у женщины, обвиненной в колдовстве». Протокол является кратким и неудовлетворительным, в нем нет ни подробностей правонарушения, ни методов судебного разбирательства, ни результата. Два последних пункта мы получаем в другом случае, который произошел в Норфолке в 1208 году, когда Агнес, жена торговца Одо, обвинила некую Галиену в колдовстве, и Галиена очистилась от грехов при помощи раскаленного железа. В течение столетия после этого любые магические преступники, которые могли предстать перед судом, ускользали от моих поисков. В 1308 году произошло судебное разбирательство против рыцарей-тамплиеров, в значительной степени основанное на обвинениях в том, что они практиковали черную магию. Однако в Англии против рыцарей не было даже выдвинуто обвинений, хотя доказательством могло быть не только то, что «сказал моряк», но и то, что, по мнению клерка, сказал священник, которому показалось, что солдат слышал то, что сказал моряк.

Весьма примечательно, что 1324 год, когда состоялся крупный ирландский суд над дамой Алисой Кителер, был годом наиболее полных и во многих аспектах интересных английских судебных процессов, связанных с магией. В тот год Роберт Маршалл

*...повелел ... воткнуть
свинцовое шило
в голову фигуры...*

из Лестера, арестованный за различные преступления, пытался спастись от казни, обвинив своего бывшего хозяина Джона Ноттингема и ряд жителей Ковентри в заговоре с целью убийства короля, двух Диспенсеров и настоятеля, а также двух других чиновников Ковентри при помощи магических искусств. Обвинение Маршалла заключалось в том, что некие граждане пришли к Джону Ноттингему как человеку, искусному в некромантии, и договорились с ним об убийстве названных лиц, заплатив определенную сумму и дав ему семь фунтов воска. Из этого воска Ноттингем и Маршалл сделали шесть фигурок предполагаемых жертв и седьмую фигурку Ричарда де Соу — *corpus vile*, выбранного для экспериментальных целей. Работа велась тайно в старом заброшенном доме недалеко от Ковентри, и, когда фигуры были готовы, маг повелел своему помощнику воткнуть свинцовое шило в голову фигуры, изображавшей Ричарда де Соу, и на следующий день послал Маршалла

в дом упомянутого Ричарда, которого тот нашел обезумевшим. После этого мастер Джон вынул шило из головы фигурки и воткнул его в сердце, и в течение трех дней Ричард скончался. И тут история Роберта Маршалла оканчивается странными бесплодными выводами. Он ни словом не обмолвился о том, почему, если предварительный эксперимент оказался столь успешным, они не продолжили действовать по плану. Несчастный некромант умер в тюрьме до того, как его дело рассмотрели и довели до сведения присяжных, так что его обвинения против граждан были оставлены без внимания. Но даже если бы судебный процесс пошел своим чередом, маловероятно, что мы получили бы нечто большее, чем простой и поучительный вердикт «невиновен» в отношении обвиняемых Робертом лиц, поскольку Маршалл прослыл изобретательным лжецом. Прежде он обвинял двух мужчин в содействии ему в ограблении и убийстве торговца из Честера в Эрлестрете, Ковентри, недалеко от подвала, «с избытком подтверждающих деталей, призванных придать художественное правдоподобие», но в целом его повествование было неубедительно, и впоследствии он признал свои показания ложными. Еще одно или два других серьезных обвинения также ни к чему не привели, и Роберт был повешен.

42 Но хотя мы не можем сказать, что описанная им процедура колдовства действительно использовалась в этом случае, мы знаем, что она полностью соответствовала ортодоксальным магическим методам. В то время в эту историю поверили, и это подтверждается тем, что в тот год младший Диспенсер пожаловался в письме папе римскому на то, что ему угрожали тайные магические силы. Папа с большим участием порекомендовал ему всем сердцем обратиться к Богу и хорошенько исповедаться, что должно принести успокоение; также папа добавил, что никаких других средств защиты не требуется.

Проходит более века, и в 1426 году мы встречаем Уильяма, лорда Ботро, жаловавшегося на то, что сэр Ральф Ботро, Уильям Лангелли и другие, «не заботясь о спасении своих душ и не имея Бога перед глазами», обратились к Джону Альводе из Троттокешалла, Хью Бауэру, капеллану из Килмингтона, и Джону Ньюпорту, которые, как поговаривали, практиковали прорицание, некромантию и магическое искусство, «чтобы ослабить, уничтожить и разрушить с помощью упомянутых искусств» тело заявителя. Для расследования этого дела была назначена комиссия, но записи о дальнейшем ходе судебного разбирательства, которое, возможно, имело место быть,

исчезли или в лучшем случае таятся в каком-нибудь неожиданном уголке рукописного отдела архива.

Другой пример использования магических церемоний со злым умыслом упоминается пятьдесят лет спустя, когда капеллан Джон Найт пожаловался, что его арестовали и отправили в Маршалси за то, что он со слугами отправился на обыск дома супруги Джона Хантли Элис, «которая издавна использовала и практиковала навыки колдовства и чародейства» в Саутуарке. Они вошли в «дом под названием *Lasour loke* в Саутуарке на Кен-стрит» (больница, основанная первоначально для прокаженных, но к тому времени использовавшаяся в основном как богадельня или лазарет) и там нашли «различные фигурки для колдовства и магии с прочими вещами, спрятанными и глубоко зарытыми под землю». Обстоятельства дела очень похожи на те, что связаны со случаем пожилой женщины, в 1560 году изгнанной из богадельни в Рае за проведение магических церемоний, включая захоронение кусков сырой говядины. Подразумевалось, что по мере разложения говядины будут разрушаться тела ее врагов, хотя возможно, что в случае с Элис Хантли объекты были закопаны исключительно для секретности. Двадцать пять лет спустя, в 1502 году, в Уэльсе

44 произошел еще более явный случай использования идолов или фигурок. Епископ собора Святого Давида, тщетно обличавший Томаса Уайриотта и Танглост Уильям и обвинявший их в адюльтере, заключил в тюрьму Танглост, а затем изгнал ее из епархии. Она отправилась в Бристоль и наняла Маргарет Хэккетт, «которая практиковала колдовство, чтобы уничтожить епископа». Затем Танглост и Маргарет вернулись в дом Уайриотта и в комнате, которая называлась Райской палатой, что было совсем уж неуместно, сделали две восковые фигурки. Затем, возможно, подумав, что епископу потребуется больше колдовства, чем обычному смертному, послали за другой женщиной, «которую они считали более изощренной, хитрой и опытной, чем они», — и она сделала третью фигурку. Состояние здоровья епископа не ухудшилось, но после этого он приказал арестовать Танглост за ересь; Уайриотт вмешался, заключив ее в тюрьму путем сфабрикованного иска о невыплате долга, чтобы она не попала в лапы епископа, и тому пришлось обратиться за помощью в Канцлерский суд.

В 1432 году рассматривались три магических дела. 7 мая того же года был издан приказ об аресте Томаса Нортфельде, Д. Д., доминиканского монаха из Вустера, и конфискации всех его книг, посвященных колдовству или

злу, а два дня спустя вышли на свободу брат Джон Эшвелл из Лондона, священник Джон Вирли и Марджери Джурдемейн, заключенные в Виндзоре за колдовство. В этих случаях весьма вероятно, что колдовство заключалось в подозрительном пристрастии к необычным отраслям науки (возможно, в проведении химических опытов) или в еретических убеждениях, что одинаково опасно в глазах ортодоксов, но третий случай, по мнению жертвы, явно был колдовством. Факты довольно просты. Джон Дурам из Йорка был владельцем поля с прудом и каким-то образом нажил себе врага в лице фермера Томаса Мелла, последний, «как поговаривали, был католиком, а значит, и практиковал магию», он забрал воду из пруда Джона, к огромному ущербу для его скота, помимо некоторых других неназванных повреждений, нанесенных его, Мелла, «*umaginacion et sotell*». Благодаря своим магическим способностям, Мелл находился под покровительством влиятельных людей, из-за чего Дюран не осмелился возбудить против него иск в обычном суде и обратился за помощью к Канцелярии, успешно ли — неизвестно.

Нужно признать, что до сих пор мои маги были обыкновенными людьми, следовали правилам своего ремесла и не проявляли особой оригинальности, но мой последний пример,

46 насколько мне известно, уникален. В рукописи XVIII века, находящейся в моем распоряжении и ранее находившейся в собрании Филлипса, среди всего прочего есть запись, которая, как утверждается, была взята из придворных списков поместья Хэтфилд в Йоркшире. Согласно этому документу, в 1336 году Роберт де Ротерам подал иск против Джона де Итена за нарушение контракта, утверждая, что Джон согласился продать ему за три пенса и полпенни «Дьявола, с которым он, несомненно, был связан (*Diabolum ligatum in quodam ligamine*), и Роберт дал ему задаток (*quoddam obolum earles*). Согласно условиям, вышеупомянутый Дьявол должен был поступить во владение Роберта в течение четырех дней. Однако когда Роберт пришел к Джону, последний отказался передать ему Дьявола, из-за чего Роберт потребовал 60 шиллингов за убытки. Джон явился на суд и не отрицал контракт, но староста постановил, что «подобные дела не должны вестись между христианами», «посоветовал сторонам отправляться для слушания дела в ад» и оштрафовал обоих.

Возникает вопрос: настоящая ли это выдержка из манускриптов? Того, кто склонен думать, будто чувствует запах крысы, может оспорить Кэмден, по словам которого в Хатфилде крыс никогда не бывало. Чрезвычайно

солидный характер всех прочих отрывков в моем труде является почти гарантией добросовестности переписчика XVIII века, и вероятность того, что он взял этот текст из оригинала, подтверждается тем, что он в одном месте неверно принял *unde* за *vide* и впоследствии исправил ошибку. Но если допустить, что это действительно было зафиксировано в записях, являлось ли это подлинной сделкой или же было шутливым изобретением клерка поместья? Я склоняюсь к мнению, что это произошло на самом деле. Если бы кто-то придумал такой случай, чтобы заполнить пустое место в списке, то почти наверняка развил бы его дальше, в то время как, с другой стороны, отметив перенос дела в другое место, едва ли он добавил бы, что обе стороны были оштрафованы. Если допустить, что иск действительно возбуждался, у нас остаются сомнения в том, был ли Роберт просто человеком, над которым подшутил Джон, или же ответчик действительно верил, что сможет выполнить условия контракта. Опять же, что это был за контракт? Латынь, хотя и во многих отношениях превосходно ясна, страдает отсутствием определенного артикля, и трудно сказать, идет ли речь о «Дьяволе» или «дьяволе». Судя по цене, более вероятным кажется последнее, т. к. три пенса с полпенни

...*Diabolus ligatus*...

кажутся абсурдно
маленькой суммой
для Князя Тьмы, и я
также считаю, что
выражение *Diabolus
ligatus* иногда при-

менялось к духу-прорицателю, заключенному
магическим искусством в сосуд или кристалл.
Как бы то ни было, маловероятно, чтобы суд
когда-либо до или после этого просил решить
вопрос о правах собственности на дьявола
или его бесов.

II. Дороги

Об удобствах современных путешествий сказано так много, что можно дойти до мысли, будто до Кука (Томаса, изобретателя билетов, а не коктейля) ни один англичанин никогда не выезжал за границу. И все же, едва ли стоит сомневаться в том, что количество англичан, посетивших чужие земли в Средние века, намного превышало количество современных путешественников. Едва ли будет преувеличением сказать, что, благодаря военному феодализму, в течение XIV–XV веков большинство наших соотечественников-джентльменов служило во Франции, набирая себе отряды наемных или подневольных людей в каждой деревне страны. Среди более мирных классов были популярны паломничества, духовные преимущества которых перевешивали опасности и трудности морского путешествия в Рим, а знаменитый храм Святого Иакова

50 в Сантьяго-де-Компостела ежегодно собирал в Испании тысячи верующих. Еще ранее крестовые походы привлекали как благочестивых людей, так и наемных воинов, но из тех, кто путешествовал на Восток, многие не возвращались. Во все времена для путешествий обычного человека по побережью Палестины был установлен довольно строгий предел, и количество тех, кто проникал еще дальше, на таинственный Восток, было невелико. Поэтому чрезвычайно интересно проследить за Джеффри Лэнгли, участвовавшим в посольстве к Татарскому двору в 1292 году и возвратившимся обратно в Англию. Он составил историю своего путешествия на прозаических отчетах его казначея.

К концу XII века татары¹, кочевое племя, населявшее регион между Кавказом и Евфратом и исповедовавшее несторианство, приобрели

¹ Царь татар Аргон — ильхан Аргун, сын Абаг-хана, внук Хулагу. Действительно состоял в переписке и обменивался посольствами с европейскими монархами и римскими папами с целью организации совместных военных действий против мамлюков. Кто значится султаном Вавилона — аль-Мансур Калаун, или его сын аль-Ашраф Халиль, или оба, не представляет никакой разницы для восприятия этого текста. Крестовый поход так и не состоялся, и последний из указанных султанов закончил историю крестоносных государств в Палестине.

известность в Европе благодаря популярности своего хана, знаменитого пресвитера Иоанна. Однако в 1203 году он был убит ужасным Чингисханом² — Моголом из Туркестана, чьи преемники через несколько поколений переняли этноним и религию покоренных татар. Аргон, царь татар, принял христианство в 1289 году и в союзе с царями Армении и Грузии нанес тяжелое поражение силам султана. Позже, в том же году, его послы прибыли в Европу, получив задание проповедовать новый крестовый поход за изгнание сарацин из Палестины. Подкрепленные благодарственными письмами папы, они посетили английский двор. Король Эдуард принял их и написал Аргону письмо, в котором выразил радость по поводу предложенного им нападения на султана Вавилона и пообещал приехать лично, как только папа одобрит его поездку в Святую Землю. Чтобы скрепить союз, он пообещал послать царю несколько кречетов, о которых тот просил. Это письмо было написано в сентябре 1290 года, а в следующем году соколы

² Династия Великих Моголов была основана несколько позже дат жизни Чингисхана, а название Туркестан, хоть и упоминалось впервые в письменном виде в качестве топонима в 639 году, все-таки более употребимо в XIX–XX веках, да и территориально не вполне соответствует родине Чингисхана.

52 были отправлены вместе с посольством сэра Джеффри Лэнгли³.

Примерно в середине июня 1292 года посольство прибыло в Трапезунд и разместилось в казармах вместе с драгоценными кречетами, ожидая охранной грамоты от Татарского двора. Местонахождение царя было неизвестно, так что Николас де Шартр, оруженосец Джеффри, и Конрад⁴, племянник начальника посольского штаба Бускерелла⁵, отправились морем в Самсун, а оттуда сначала в Кесарию, а затем в Сивас, где ожидали царя. Наконец все было готово; в Трапезунде купили алую и серую хлопчатобумажные ткани для шатра, для посла купили зонтик и лошадь, на которой он мог ездить, а также мула, который стоил более чем в три раза дороже, нежели лошадь. На первом этапе пути в Тебриз, где посольство должно было встретиться с царем, наняли тридцать лошадей, но в Байбурте, которого они достигли 25 июля, их количество сократили, и от Байбурта до Заратканы было задействовано только четырнадцать лошадей. О путешествии в Тебриз, город бань и ледяных напитков (что обнаружили испанские по-

³ См. Послесловие.

⁴ Коррадо де Гризольфи.

⁵ Бускарелло де Гизольфи, Бускарель.

...восхитительным зрелищем...

слы ко двору эмира Тимура столетие спустя), известно мало, в отчете лишь перечисления подарков татарам и другим личностям, в том числе ткани для леди Эрзерума.

Посольство покинуло Тебриз, везя с собой леопарда в качестве подарка от татарского царя, и в пятницу, 26 сентября, достигло оживленного торгового города Хой, где в 1406 году Гонсалес де Клавихо по пути в Самарканд увидел жирафа, который ему, человеку, прежде никогда не видевшему такого животного, показался «восхитительным зрелищем».

54 Воскресную ночь они провели в Носсея (предположительно Нускар), а понедельник — в армянской деревне, вероятно, располагавшейся неподалеку от озера Ван, так как среди продуктов, купленных в дополнение к хлебу, сыру и фруктам, впервые появляется рыба. В Аргише, на берегу озера Ван, приобрели сапоги для троих членов свиты, подковали лошадей и пополнили припасы, в том числе вина, мяса, уток, яиц и соли. Переночевав в Жаккаоне, путешественники достигли Малазгирта, где отпустили конный эскорт из Аргиша и проследовали с новым эскортом через три безымянных сарацинских деревни к Эрзеруму, которого они достигли в понедельник, 6 октября. Два дня провели здесь, разбив лагерь и занявшись стиркой одежды. Одежда и обувь изнашивались во время путешествия, приходилось покупать сапоги для капеллана, клерка Джона, Роберта, Джерарда, еще одного Роберта, а также Уильяма и Мартина, а также шляпу и обувь для Виллекока. В среду вечером, когда они остановились в другой сарацинской деревне, их развлекали местные менестрели, и на следующий день они достигли Байбурта, где выдали сапоги поваренку Джону. Здесь нужно было пополнить запасы, так как следующие две остановки предполагались «в полях», вдали от поселений. Наконец, в понедельник,

13 октября, они снова прибыли в Трапезунд, где отдыхали неделю и приобрели много новой обуви, а также такие тяжелые и громоздкие предметы обихода, как кастрюли и сковородки, тарелки, миски и табуреты — удобства, от которых приходилось отказываться в пути. Здесь рассчитались с носильщиками-сарацинами, которые везли багаж из Тебриза, татарина, оказавшего небольшую услугу, наградили ковром, а свита посла получила свое жалование и пособие на белье. Во главе свиты стоял Эндрю Балабан, получивший алую мантию в дополнение к своему жалованью, и переводчик Мартин; затем были кладовщик Виллекок, клерк Джон, повар Уолтер, кладовщик Мартин Ломбард, кухонные помощники Майкл и Джонот; сокольники Чизерин, Копин и Тассен, конюхи Жак и Оливер, Майкл де Суриа, Теодорик, Манфред, Жерардин, Роберт и Робекин и еще несколько человек, о которых мы не знаем ничего, кроме их имен. Из Трапезунда отплыло всего около двадцати или тридцати человек и после долгого плавания, в воскресенье 9 ноября, они достигли Константинополя.

В Константинополе, который казначей из-за остроумной ошибки в произношении назвал «Константин Нобилис», галера простояла неделю, вероятно, ее отплытие откладывалось из-за встречных ветров. Однако компенсацией

56 за задержку стали устрицы, зайцы, кряквы, каштаны, груши и яблоки, что, должно быть, казалось желанной роскошью после невзгод и однообразия последних недель, и, возможно, то, что после всего этого Ричарду пришлось вызывать лекаря, было лишь совпадением. Даже леопарду повезло изысканно полакомиться: три цыпленка были приятным изменением в рационе после привычной баранины. Наконец все было готово, одежду выстирали, починили рукава клерка Джона, купили персидскую ткань для накидки Ричарда и снова перекрыли парасоль, что едва ли было необходимо, если только его не использовали как обыкновенный зонт; похолодало, для свиты приобрели восемнадцать комплектов накидок (*muffeles*), а сэр Джеффри закупил мантии с капюшоном, отороченные красным беличьим и белым лисьим мехом. Наконец, в понедельник, 17 ноября, галера отплыла в Италию.

В субботу 29 января прибыли в Отранто, здесь высадились посол и часть его свиты, а Ричард и Роберт отправились на лодке в Бриндизи. Галера ждала достаточно долго, пока они возвратились, в это время вычистили клетку леопарда, а затем с остальной частью свиты и наиболее тяжелым багажом отправилась в Геную. В воскресенье, когда епископ Отранто любезно предоставил лошадей, посол

*...с импровизированным представлением
трех менестрелей...*

и его сопровождающие проследовали в Геную по суше, прибыв в Лечче к обеду с импровизированным представлением трех менестрелей. Первые четыре дня декабря прошли в Бринди-зи, откуда путешественники двинулись вверх по восточному побережью через Виллануова и Мола в Барлетту, а затем повернули в глубь страны к «Трес-Санктос», который, возможно, назывался Тринитаполи, но запомнился главным образом благодаря обеду, состоявшему из курицы, голубей и сосисок. На следующее утро, в среду, 10 декабря, они пообедали в Сан-Лоренцо по пути в Трою, а затем, миновав Кревако, двинулись к Бонум Альбергум, который если не был тогда Беневенто,

58 то располагался неподалеку от него. Еще через два дня, проследовав через Монте-Саркио и Асерру, они достигли Неаполя, где оставались до четверга, 18-го. Здесь они снова оказались в краю изобилия и могли насладиться фазанами, куропатками, кряквами, зайцами и голубями, искусно приправленными шалфеем и петрушкой, чесноком и шафраном. В Неаполе купили двух мулов и пятнистую серую лошадь, а также несколько стаканов, глиняных горшков и кружек и выехали в Капую, отправив вперед Манфреда Ольдебранда с серебряным блюдом. В пятницу 19 декабря в Капую умер сокольничий Тассин, о чем сокрушался его брат — сокольничий Ханэкин, которому он задолжал 11 шиллингов 4 пенса. На благо души усопшего сделали пожертвования.

Пятидневный переход через Миньяно, Чепрано, Ананьи и место под названием Мулера, которое я так и не смог идентифицировать, привел их в Рим. В Риме путешественники встретили Рождество. По просьбе одного из конюхов вызвали врача и купили лекарства для лошадей. Возможно, эти снадобья оказались неэффективными, поскольку вскоре после этого путешественники приобрели двух лошадей за тридцать флоринов у «торговцев Рикарди». В воскресенье, 28-го, путешествие возобновилось, и в первый день путь пролегал

через Сола и Сутри, во второй — через Витербо и Монте Фьясконе. В Аквапенденто прибыли во вторник и потратили там 18 пенсов на покупку маленького ящика (cofinello), в котором можно было везти пироги с угрями. 1 января путешественники, минуя Сан-Квирико, прибыли в Сиену, а затем их путь пролегал через Сан-Коссиано, Пистойю и Буджоне в Лукку. Из Лукки они двинулись к побережью, через Авенцу и Сарцану до Сестри, а затем через Рапалло и Рекко до Генуи, куда прибыли в воскресенье, 11 января. В Генуе они встретили своих товарищей, прибывших сюда по морю. Сняв дом у Пучино Рончини, разгрузили камбуз и расплатились за его стоимость от Трапезунда до Генуи, что составляло 200 фунтов стерлингов, что кажется более внушительным, чем было самом деле, поскольку генуэзский фунт стоил около 35 фунтов стерлингов, т. е. английских денег. Татарин Таморащий уехал с серебряной чашей в качестве подарка, и только леопард продолжал оставаться их единственной связью с Востоком.

В Генуе записи не ведутся, но отправка гонца к маркизу Салуццо предполагает, что наши путешественники проезжали через его владения по той же дороге, по которой Генрих Болингброк, граф Дерби, а затем король Англии, всего столетие спустя возвращался с Востока

60 через Венецию, по совпадению, везя с собой леопарда. В этом случае они должны были последовать в глубь страны мимо Нови, Асти и Турина в Шамбери в Савойе, затем на север, в Шалон, и через Бон, Шатийон и Ножан-сюр-Сен в Париж. Оттуда они, вероятно, направились в Виссан, а затем в Дувр и прибыли в Англию примерно в начале сентября 1293 года или даже раньше, после двух лет почти непрерывных путешествий. Об удивительных вещах, которые они видели, и еще более удивительных вещах, которые они слышали — рассказах о чудовищных людях, сверхъестественных животных и злых духах — о приключениях, опасностях кораблекрушений, грабежей, никаких свидетельств не сохранилось; но кое-какие факты их долгого путешествия — мучительные передвижения по пустыне, досадные задержки встречными ветрами, приятный отдых во время остановок в больших городах — нам удалось собрать воедино.

Такие уникальные путешествия, как поездка Джеффри Лэнгли в Тебриз или Гонсалеса де Клавихо в Самарканд, интересны своей редкостью; но посольство Хью де Вера при Папском дворе в 1298 году имело ценность иного рода. Это было безмятежное и однообразное путешествие, и, казалось бы, обошлось не только без приключений, но и без происшествий.

...поток паломников...

Помимо мелких забот, связанных с вьючными седлами и упряжью, которые требовали постоянного ремонта, незначительными изменениями в рационе питания и сложностью расчетов, вызванной совершенно разными денежными стандартами в каждом государстве, через которое проезжали путешественники, записать было нечего, за исключением перечисления этапов путешествия. Однако, поскольку этот путь был главной дорогой в Рим, по которой проходил постоянный поток паломников, побуждаемых благочестием или желанием увидеть мир — по ней следовали священники,

62 ищущие поощрений для себя или проклятия для своих соседей; кающиеся грешники, жаждающие отпущения грехов; жалобщики с бумажниками, набитыми документами, указами и судебными прецедентами, и их ответчики, везущие более весомый аргумент в виде английского золота, — стоит проследить за посольством и обратить внимание на места остановок. Большинство из них идентичны тем, которые использовал Генрих Болингброк по возвращении из Венеции почти столетие спустя, и поэтому, очевидно, были традиционными этапами на этом пути.

Хью де Вер и его свита, состоящая из двух рыцарей, двух капелланов, клерка, десяти оруженосцев, примерно тридцати конюхов и других слуг, прибыли в Париж в Страстную пятницу 4 апреля 1298 года и на следующий день доехали до Розуа, довольствуясь в путешествии рыбой и фруктами, поскольку был постный день. На следующий день было Пасхальное Воскресенье, в связи с чем они отправились в путь только после обеда, а вечером достигли Провена, располагавшегося в пятидесяти милях к юго-востоку от Парижа. Из Провена кавалькада проследовала мимо Павильона вниз по долине Сены к Бар-сюр-Сен, где по окончании Великого поста они разговлялись мясом, пирогами и флаунами — согласно

Холлиуэлу, разнообразностью средневековых блинов, традиционно готовившихся на Пасху. Вскоре они достигли Бургундии и, повернув на юг через Монбар, следовали по маршруту, на месте которого теперь пролегает Бургундский канал с его бесчисленными шлюзами, и после остановки на ночь во Флори, который в описании Болингброка упоминается как Флорейн, но, похоже, исчез с карт и перестал существовать, добрались до Бона; продолжая преодолевать в среднем по тридцать миль в день, они прибыли в Лион в понедельник 14 апреля, делая остановки по пути в Турню и Бельвиле. Пройдя по долине Роны и взяв несколько миль южнее, они свернули на восток неподалеку от Вьена через Сен-Жорж в Вуарон, а оттуда на север, проходя мимо Гранд-Шартрез, пересекли границы Савойи в Шамбери. До сих пор использовалась валюта «черные турнуа», или черные деньги Тура. 14 пенсов, или «малая турноза», были эквивалентны одному «гро турнуа» — стандарт, к которому сводились расчеты в счетах; но теперь и на всем протяжении путешествия по Савоие и Пьемонту платежи производились уже в «vieneys», 17 которых составляют «гро турнуа».

Продвижение заметно замедлилось на пути через горный район Савойи: шестьдесят миль от Шамбери до Сузы заняли шесть дней

64 пути. Дорога, по которой они ехали, шла по долине Арка, как и современная железная дорога, мимо Монтмельяна, Ла-Шамбра и Сен-Мишеля; но, поскольку туннеля Мон-Сени тогда еще не было, послу и его свите пришлось проследовать дальше на восток, в Лансл-Бург, взбираясь по Мон-Сени до приюта, основанного на этой выметенной штормом дороге благочестивым королем Людовиком, первым из королей, носивших это имя. Затем они спустились в Пьемонт и древний город Сузы, где после трудностей дневного пути порадовали себя «пирожными и флаунами». Не берусь судить, было ли это следствием путешествия или флаунов, но на следующий день лакей сэра Хью заболел, и в Авильяно на его место пришлось взять другого слугу. В пятницу, 25 апреля, путешественники достигли Турина и задержались здесь до следующего вторника, это был долгожданный отдых после трех недель непрерывного путешествия. Здесь починили пальто и сумки, выстирали одежду и укрепили свои силы, благодаря более разнообразному выбору еды, что было невозможно во время путешествий; покупались бараньи ребра, голуби, куры, инжир, виноград и другие фрукты. Повар приготовил «шарле» — очевидно, прообраз аристократической русской шарлотки, а не ее плебейской тезки, шарлотки яблочной,

поскольку среди ингредиентов рецепта значились молоко и яйца.

Путешествие возобновилось в среду, 30 апреля. Маршрут пролегал на восток через Кивасо и Монкальво в неопознанное место под названием Бассеньян, очевидно, располагавшееся на берегу реки По в Ломбардии, поскольку здесь чеканка становится «императорской» и требуется уже двадцать монет для «гро турнуа». Ломелло, Павия, Пьяченца, Борго-Сан-Доннино (где впервые фиксируется покупка сыра, которым этот район славится до сих пор), Парма, Реджо и Модена следуют в привычном порядке, но вместо того, чтобы придерживаться той же линии, как это сделал бы современный путешественник, и проследовать в Болонью, посольство резко поворачивает на юго-запад, в сторону Сассуоло. В этом более захолустном районе обменный курс падает, и «гро турнуа» составляют всего восемнадцать вместо двадцати императорских монет, а в качестве компенсации бухгалтер отмечает, что в Фрассиноро, следующей остановке на пути через живописную долину реки Секкиа, расходы на четыре дня были небольшими благодаря подаркам некоего маркиза. Мне сложно понять, кем был этот маркиз, ведь вся эта часть Италии представляла собой россыпь мелких графств и полунезависимых

66 княжеств, но по большей части их правители были герцогами. Разумным предположением кажется маркиз Каррарский — если, конечно, такой человек существовал и я не путаю его с маркизом Карабасом, который, судя по его появлению в истории «Кота в сапогах», был дворянином из Каталонии.

До Лукки добрались накануне Дня Вознесения Господня, а сам праздник провели в Пистое, где чеканили пизанские монеты, а «гро турнуа» стоил 4 шиллинга и 2 пенса пизанских денег. Та же валюта продолжала использоваться во Флоренции и Сиене, после чего появились «куртене», при этом «гро турнуа» составлял 5 шиллингов этих денег, которые, однако, использовались только в течение двух дней, когда путешественники останавливались в Аквапенденте и Санта-Кристине, городе на берегу озера Больсена, название которого напоминает о том, как эта святая утонула, спасаясь от мученичества. Она утонула, пытаясь доплыть до берега на мельничном жернове, так же как Святой Пиран плыл на своем камне в герцогство Корнуолл. После этого Витербо ведет счета в «паперинах» — папских деньгах, из которых 3 шиллинга и 4 пенса были эквивалентны «гро турнуа», на следующий день валюта в последний раз меняется на «провис», эквивалентные 2 шиллингам 10 пенсам.

...Святой Пиран...

Миновав Сутри и Изола, путешественники прибывают в Рим в Духов день. В Риме они встречаются с мастером Томасом из Саутуарка, которого послали заранее, чтобы снять жилье и найти мебель. Здесь они проводят шесть недель.

Сэр Хью де Вер выполнил свою миссию. Папа Бонифаций согласился выступить в качестве арбитра между королями Франции

68 и Англии, так что посольство покинуло Рим в четверг, 9 июля, во второй половине дня. Граф Савойский сопровождал их до Изола, их первой остановки. Маршрут до Пистойи был таким же, как и на пути в Рим, но с более короткими этапами передвижения, похоже, что некоторые путешественники очень страдали из-за жары. В Сан-Квирико, между Аквапенденте и Сиеной, для болящих готовили особые блюда — «для приготовления яблочного мусса» покупались яйца, мед и яблоки, а также «вержюс⁶, петрушку и прочие соусы». В десяти милях от Пистойи, в Буджано, пришлось сделать остановку и снять комнаты для больных членов экспедиции, которые остались здесь, а остальные отправились в Лукку. Здесь остановились на две недели, а когда 5 августа путешествие возобновилось, продвижение было очень медленным. Возможно, чтобы насладиться морским воздухом, отсюда проследовали по другому маршруту. Остановка в Лукке не восстановила силы больных, и отряд продвигался со скоростью около пяти миль в день, с остановками в незначительных

⁶ Вержюс — сок из незрелых ягод винограда, которые используются в утонченной кулинарии вместо лимона или уксуса. Вержюс куда ароматнее, чем лимон, его кислотность значительно нежнее, чем кислотность уксуса.

деревнях, таких как «Пон Сен Пер» и «Вальпрумаэ» между Луккой и Камайоре, «Фрегедо» на побережье между Пьетрасантой и Сарцаной, «Памарне» и «Ла Матиллан» между Сарцаной, где сделали трехдневную остановку, и Боргетто. После Сестри предстоял особенно трудный участок дороги, поскольку сэра Хью и других больных доставили на лодке из Сестри в Кьявари, где остановились на целую неделю. Во время этой остановки клерка Вилкока отправили в Геную за доктором для сэра Хью, и в то же время, когда не хватило денег, некоторые пистойские купцы помогли пополнить припасы. К счастью, в Генуе дела с наличными и лекарствами обстояли хорошо, поскольку она была не только одним из самых богатых портов в Европе, но и разделяла со своей соперницей, Венецией, славу производительницы «патоки», обладающей такими же целебными свойствами, как и любой другой шарлатанский продукт, которые сейчас делают Англию отвратительной для путешествующих по железной дороге.

В Геную прибыли 4 сентября, после остановок в Рапалло, Рекко и Нерви. Здесь отдыхали в течение двух недель, и, поскольку патока, очевидно, оказалась неэффективной, даже когда в нее добавили «сиропы микстуры, специи и другие виды лекарств», семерых

...переправились в Англию...

членов отряда, которые все еще были больны, пришлось отправить морем в Савону. Когда их товарищи, путешествовавшие по суше, соединились с ними, они покинули побережье, свернув на север через Кортемилья, «Кастильол» (под этим названием подразумевается, как я полагаю, Кастаньоле), Виллануова и Риволи, в десяти милях к западу от Турина, в Сузы. Здесь провели два дня, обедали вместе с «месье Йоханом Карбонелем и Жаком ле Жиньером», но кто были эти гости, мне выяснить не удалось. Из Сузы в Шамбери добирались тем же маршрутом, которым следовало посольство по пути в Рим, но из Шамбери они двинулись восточнее, через Белли, Сен-Рамбер и Бург, вновь попав на прежний

маршрут в Турню. Из «Маленького Парижа», где-то между Ножан-сюр-Сен и Турнаном, четверых мужчин отправили вперед, чтобы они нашли жилье. В Париже провели всего одну ночь, после чего наши путешественники двинулись на север через Ходанкур, Этрепани, Уазмон и Нёшатель до Булони в Виссан, куда они прибыли в последний день октября и откуда неделю спустя переправились в Англию, лакомясь в пути улитками и горчицей, которые необязательно есть вместе. Таким образом, сэр Хью и его компания находились за пределами Англии в общей сложности восемь месяцев, поездка в Рим заняла около семи недель, а обратный путь — четыре месяца. Тот факт, что у нас нет сведений об их приключениях и приводится мало подробностей о чем-либо, кроме еды, свидетельствует о том, что дороги были безопасными, а путешественники — хорошими англичанами.

III. Коронации

В настоящее время¹ коронация — это Рим, к которому ведут все дороги; и если прогулка по Оксфорд-стрит приведет нас к коронационным «cuffs and collars», мылу и разнообразным сувенирам, вполне естественно ожидать, что и средневековая дорога непременно приведет нас к теме коронации. Несмотря на все пережитки, которыми мы окружены в этой консервативной стране, церемонии коронации, хотя и лишенные большей части своего величия и значения за последние сто лет, все еще остаются наиболее неизменными по атмосфере и деталям.

Во-первых, они на некоторое время возвращают Лондону преобладающую черту средневековой жизни — цвет. Как в 1236 году, так и в 1911 город на несколько дней украшают шелками, знаменами, коронами, свечами и фо-

¹ Июнь 1911 года.

нарядами, различными остроумными и странными зрелищами; и, хотя полнота цветовой гаммы нарушается унылой одеждой зрителей, все же существует вспышка веселья, которая доставляет удовольствие, обращаясь к примитивным инстинктам и заставляя забыть о бизнесе и утилитаризме.

Подготовка к коронации наших средневековых монархов начиналась в Тауэре. Для короля было очень важно показать, что он — хозяин крепости, прежде чем официально занять трон. Притязания на корону частично основывались на силе и стальной руке, но также опирались и на выборную волю народа, и, соответственно, за день до коронации король выезжал из Тауэра в Вестминстерский дворец, чтобы показаться перед своими подданными, таким образом они могли увидеть, какой человек станет их правителем. Естественно, процессия устраивалась максимально пышной и запоминающейся. Короля сопровождала знать, все верхом на лошадях, было видно, что многие из них только что удостоились «коронационных почестей» — новоиспеченные рыцари ордена Бани, обычно тридцать или сорок человек, которым была дарована честь рыцарства, наряженные в алые одежды, отороченные мехом, и прочие наряды, подаренные накануне. Кавалькада Ричарда III затмила

великолепие его предшественников — короля сопровождали три герцога, девять графов и сотня рыцарей и лордов, все великолепно одетые, «но герцог Бекингем настолько превзошел остальных, что даже попона его коня была настолько обильно расшита золотом, что нескольким специально назначенным для этого лакеям приходилось ее подбирать по пути». Генрих VII, хотя и был скромен и даже скуп в большинстве вопросов, не пожалел средств на свою процессию. Он был одет в богатую, расшитую золотом ткань пурпурного цвета, десять ярдов которой купили у Джеро-

...личная эмблема
Генриха...

ма Фрискобальди по баснословной цене в 8 фунтов за 1 ярд; попона его коня была сшита из малинового дамаска², расшитого золотом, и стоила 80 фунтов; эта же или еще одна попона, созданная Хансом Душеманом, была украшена 102 позолоченными серебряными эмблемами (личная эмблема Генриха, так часто повторяющаяся на стенах

² Дамаск — шелковая или бархатная ткань с флористическими узорами из золотых нитей.

его часовни в аббатстве). Над головой короля возвышался золотой балдахин, позолоченные посохи которого несли эстафеты рыцарей, сменявшие друг друга через частые промежутки времени, чтобы все могли принять участие в благородном, но трудном деле; их сопровождали пажи, наряженные в малиновый атлас (стоимостью 16 шиллингов за ярд) и белую ткань, расшитую золотым королевским

...для геральдов...

гербом по эскизам Кристиана Пойнтера, который также выполнил двенадцать «гербов для геральдов, написанных масляными красками и обработанных золотом», и двенадцать одинаковых знамен. Пажи вели запасного коня, который по какой-то причине всегда составлял часть королевской процессии. Возможно, именно для этого «государственного» коня была изготовлена попона Святого Георгия из белой золоченой ткани, а вот попона

76 из синего бархата с десятью вышитыми красными розами венецианской работы и драконами из красного бархата и еще одна попона с гербом Кадваладр³ точно принадлежали к части процессии королевы. Она была одета в белый дамаск, расшитый золотом, и сидела на подушках из того же материала на паланкине, запряженном двумя белыми лошадьми, под балдахином из белого штофа с серебряными посохами. Пять пажей в малиново-синих одеждах вели ее лошадей; затем следовали три кареты, в каждой из которых находилось по четыре дамы, одетые в малиновые платья, и семь дам в синих бархатных нарядах, кареты были обтянуты малиновым атласом, запряжены лошадьми одного цвета с попонами из малиновой золоченой ткани. Вся свита королевы демонстрировала великолепие цвета, что служило превосходной оправой для ее собственного серебристого сияния.

Сейчас наши монархи больше не выезжают из крепости, чтобы взойти на трон, и показываются перед своими верноподданными после того, как их короновали, а не до церемонии, вовсе не из-за страха, что они могут оказаться

³ Красный дракон Кадваладра — древний валлийский символ. Связь с королем Гвинедом Калвалдром сыном Кадвалона традиционна, но исторически не обоснована.

отвергнутыми народом, а потому, что сейчас никто не станет оспаривать их право на трон. Но если Букингемский дворец — менее удачная отправная точка, чем Тауэр (и есть художники, которые считают последнее место более живописным), есть некоторые вещи, в которых мы усовершенствовались по сравнению с нашими предками. Главным образом это выражается в полицейских мерах. Нет больше необходимости провозглашать, как это было на коронации Эдуарда II, «что никто не смеет носить меч, острый нож, кинжал, булаву, дубину или другое оружие под страхом тюремного заключения сроком на один год и один день», и единственным строго запрещенным орудием нападения в наши дни является самолет. Не требуется также и штрафов для иностранцев, присутствующих на коронации. Несомненно, требовалась определенная суровость, чтобы бороться с влиянием на публику девяти ручейков с бегущим по ним красным и белым вином, а также фонтанов в Вестминстере, каким бы слабым ни было вино. В отличие от времен Ричарда I, современные коронации не «призывают и не провозглашают» к пролитию крови евреев по причине того, что некоторые из их числа кощунственно осмелились взглянуть на короля — привилегия, как известно, предоставленная кошкам, но, очевидно,

78 запрещенная евреям и собакам. Кроме того, мы избавлены от таких катастрофических столпотворений, как то, которое произошло во время коронации Эдуарда II, когда королю пришлось выходить из своего дворца через черный ход, чтобы избежать давки, а из-за напора толпы внутри Аббатства разрушился крепкий земляной вал, что привело к гибели «многих горожан», а на территорию, отведенную для церемонии, хлынула толпа. Из только что процитированного примера может показаться, что временные конструкции, создаваемые нашими предками в подобных случаях, не прошли бы проверку Л.С.С., и мы можем также льстить себе, что они никогда не смогли бы скрыть свои церкви и другие общественные здания под морем гениально сконструированных деревянных трибун, но все же плотники и обойщики имели немало работы в Аббатстве, прежде чем начиналась церемония. Хотя больше всего выигрывали от этого торговцы, которые должны были поставлять огромное количество золоченых тканей, бархата, турецких и итальянских шелков, аксамита и тончайшего триполитанского льна. Внутри аббатства, на самом видном месте, устанавливался временный помост для трона, где король должен был сидеть на виду у народа во время первой части службы. Этот помост покрывали коврами

и драпировали шелковой золотистой тканью. Королевское место также украшалось золотым балдахином и шелковыми подушками. Для этого использовали несколько разновидностей золотого сукна, счет за такой материал для коронации Эдуарда III в 1327 году составил 450 фунтов, а большую часть материи купили у некоего Джона де Перерса, который вполне мог быть отцом Элис Перерс, той «оживленной придворной фаворитки», которой король увлекся на склоне лет. Наиболее дорогой разновидностью тканей была «золотая шелковая материя из Нака», но я не могу уверенно сказать, какое место названо Наком: вполне возможно, что это мог быть Насик, расположенный неподалеку от Бомбея, поскольку большая часть этого материала поступала с востока или по крайней мере из столь же далекой Турции; но, каким бы ни было место его происхождения, ткань эта использовалась для изготовления царских чулок и обуви, а также для небольшого шатра над главным алтарем, внутри которого проходила церемония помазания, включавшая в себя раздевание. Следующий по ценности вид описывается как рафия⁴ —

⁴ Рафия — волокно, изготавливаемое из черешков листьев одноименной пальмы, произрастающей преимущественно в тропиках Африки.

80 предположительно тростниковая материя, хотя это слово не встречается в Дюканже (когда же кто-нибудь сделает для средневековой латыни то же самое, что Оксфорд и сэр Джеймс Мюррей делают для современного английского языка?). Ткань эта использовалась для обивки архиепископского кресла, в то время как еще один вид ткани, цельный отрез дамаска, предназначался для драпировки алтаря, а еще два сшитых вместе полотна использовались, чтобы покрыть могилу деда короля, Эдуарда I. Остальная материя, такая как пурпурный бархат и татарский или армянский шелк, использовалась в алтаре и вокруг него, в то время как золотая материя смешивалась с более драгоценными видами или использовалась для украшения менее важных объектов.

По прибытии в Вестминстерский дворец король съедал легкий ужин и удалялся в свои покои. Если он еще не был посвящен в рыцари, то бодрствовал и готовился к этой церемонии перед коронацией, традиционной, хотя и не лишенной перемен. Комната, в которой отдыхал молодой Эдуард III, была украшена красными коврами с королевскими гербами по углам, с тремя стульями или скамьями подобного дизайна красного, зеленого, пурпурного и синего цветов, а его ванна была покрыта золотой шелковой тканью, хотя для ванны

...молодой Эдуард III...

Генриха VII сочли приемлемым фламандский лён. Утром в день коронации король после церемониального омовения облачался в безупречное одеяние, чтобы показать, что «как его тело сияет чистотой и красотой облачений, так пусть просияет и его душа», и отправлялся в Вестминстерский зал, где лорды сопровождали его к трону. Вскоре королевская процессия: король, идущий босиком, и различные аристократы, несущие регалии, выдвигалась вниз по крытой дорожке, устланной грубой тканью с Кенделвик-стрит (ныне Кэннон-стрит),

82 причем большая часть этого ковра лежала за пределами церкви, что было ответственностью лорда⁵ поместья Бедфорд, который должен был помогать королю в течение дня. Их встречали монахи и духовенство и провожали в Аббатство. С деталями следующей за этим церемонии все заинтересованные должны быть хорошо знакомы, так как она неоднократно описывалась и «должна была продемонстрировать всему миру длительное зрелище».

Церемониальное коронование выполнялось с регалиями святого Эдуарда, хранившимися в сокровищнице Аббатства и считавшимися слишком священными, чтобы мирские руки могли их касаться, так что в процессии они выносились на крытом столе. Перед окончанием службы король откладывал корону святого Эдуарда и брал свою королевскую корону. Она не была похожа на неудобую и немного нелепую сияющую конструкцию, которую мы видим сейчас на головах наших государей, но представляла собой художественно исполненный венец, названный геральдическими писателями герцогским венцом. У Эдуарда III было

⁵ Лорд поместья — это не дворянский титул, а форма наследственной земельной собственности. Технически лорды поместий являлись баронами, или свободными людьми, но, в отличие от титулованных баронов, не имели права заседать в Палате лордов.

три короны, все они были золотыми, главная — описанная в 1356 году как «недавно заложенная во Фландрии» — с восьмью лилиями, украшенными рубинами и изумрудами, четырьмя большими восточными жемчужинами, россыпями розовых рубинов и восточных сапфиров; на второй, по-

Древняя и современная короны

даренной королеве Филиппе, было десять геральдических лилий из рубинов и изумрудов и шесть жемчужин; третья, строго говоря, была не короной, а венцом, представлявшим собой обруч без лилий с девятью огромными восточными жемчужинами и прекрасным рубином по центру. В своей короне и в сопровождении знати, несущей другие королевские регалии, только помазанный король возвращался в Вестминстерский дворец для грандиозного коронационного пира. Для этого события подготавливался Вестминстерский зал, «королевское место», или трон, устанавливался для короля во главе зала и покрывался «турецкой золотой тканью» или другим красивым материалом и украшался балдахином. Скамейки

84 нижних столов были покрыты «скатертями из красной или синей ткани», балдахины из того же материала висели позади гостей. Портьеры позади королевского места были из золотой ткани, тканевая подкладка защищала их от сырости стен. Когда гости рассаживались в порядке старшинства, а граф-маршал и его сопровождающие прохаживались взад и вперед по холлу, чтобы освободить место для обслуживающего персонала, начинался пир, во время которого ряд аристократов и поместных лордов имели обязанности или привилегии оказывать различные услуги королю, получая, как правило, ценные поощрения. Таким образом, стол накрывал лорд поместья Кибуорт-Бошам, за что он получил солонку, ножи и ложки; ткани и салфетки раскладывались лордом Эшли Эссекским, представителем Нейпира, и остались его собственностью. Важный пост главного дворецкого занимал граф Арундел, хотя на коронации королевы Алиеоноры в 1236 году его место занял граф Суррей, так как архиепископ Кентерберийский отлучил его от церкви из-за спора, касавшегося имущественных прав; лорд Уимондли обладал привилегией подавать королю первую чашу вина, а затем отказался от нее в пользу мэра Лондона, который выступал в качестве главного виночерпия — не без вознаграждения,

...Даймок из Сквивлсби...

поскольку на коронационном пиру Эдуарда III мэр получил золотой кубок, покрытый эмалью с изображением королевского герба, и золотой сосуд или кувшин для воды, украшенный эмалью и двумя шотландскими жемчужинами в качестве гонорара. Для того же праздника граф Ланкастер предоставил четыре серебряных подноса с гербом Харкли и четыре других с эмблемой графини Херефорд, десять серебряных шампуров и восемь соусников, на каждом

86 из которых было изображение королевского леопарда; а камергер принес два свертка с позолоченными и покрытыми эмалью мисками с гербами Англии и Шотландии. Лорд Аддингтон предоставил блюдо с кашей, а лорд Листон из Эссекса — вафли; прочие приглашенные принесли воду, тазы и полотенца, а глава семьи Даймок из Скривлсби въехал в зал в полном вооружении, с пикообразным гребнем на шлеме и предложил сразиться с любым, кто осмелится отрицать суверенитет короля.

Но ведь главное во время застолья — еда. И ее было много — даже на банкете Эдуарда II, отличившемся ужасным обслуживанием. Эдуард I разослал приказы шерифам разных графств предоставить для коронационного пира 27 800 кур, 540 волов, около тысячи свиней и 250 овец, кроме того, приказал прелатам прислать столько же лебедей, павлинов, журавлей, кроликов, и по возможности молодых, а также большое количество лосося, щук, угрей и миног. Неудивительно, что его повар, Хью Мальверн, попросил, чтобы для кухни сделали столы из шести дубов и шести буков. Изучив меню, можно предположить, что пища была несколько грубовата; безусловно, банкеты более поздних государей были гораздо более сложными и разнообразными. Во время коронационного пира девятилетнего короля

Генриха VI в 1429 году было три перемены блюд. К первым из них относились не только отварная говядина и баранина, каплуны, цапли и лебеди, но и «оленина со злаковой кашей, заливное; головы кабана в золотых кондитерских замках; красное желе с белыми львами» (иными словами, розовое желе или пудинг, украшенное львами) и, как венец пира, «заварной крем по-королевски с леопардовым узором из золотого сиропа и украшением в виде лилии». Вторая перемена, помимо кур, куропаток, журавлей, жареного павлина (поданного с перьями) и кроликов, включала «запеченного поросенка» — то есть запеченного и позолоченного поросенка, «жаркое, украшенное головой леопарда и двумя страусовыми перьями; разноцветное желе, украшенное надписью «Te Deum Laudamus», и, как вишенка на торте, «белое желе (или бланманже), украшенное красной антилопой с золотой цепью на шее»; свиной пирог, украшенный леопардом и золотыми лилиями». После этого следовала третья перемена, не имеющая ничего более оригинального, чем «холодный пирог, разделенный на четыре части — белые и красные, позолоченный и залитый карамелью». К каждой перемене полагалось «sotyltie», или сложное изделие, приготовленное предположительно из сахара и теста и представлявшее

88 собой фигурки королей и святых. Однако эти изыски нельзя было даже сравнивать с теми, что подавались во время коронационного пира Екатерины Французской, супруги Генриха V. Ее пир также состоял из трех перемен, «и вы сразу поймете, что этот пир был абсолютно рыбным», так как он отличался удивительным разнообразием рыбы. Помимо обыкновенных лосося, форели, палтуса и т. д., там были миноги, о которых Генрих III однажды сказал, что по сравнению с ними вся остальная рыба безвкусна, «осетр с улитками» — комбинация королевской и плебейской еды, жареные «менуэ», или пескари, средневековые мальки, морской угорь, которому в настоящее время не уделяется должного внимания, «жареные морские свиньи»⁶, и еще множество других видов рыбы, в том числе неких загадочных «*dedellys in burneux*». Среди сладостей были «желе, окрашенное цветами водосбора»; *flampeyn* — вид пирога со свиной, украшенного тремя кондитерскими золотыми коронами, лилиями и цветами ромашки, «белое желе, украшенное цветами боярышника, пирог, украшенный разнообразными фигурами

⁶ Морские свиньи (лат. *Phocoenidae*) — семейство морских млекопитающих парвотряда зубатых китов. Ранее причислялось к семейству дельфиновых. В жареном виде легко причисляется к рыбам.

...Легенда о Тигре и Зеркале...

ангелов, среди которых была Святая Екатерина, держащая надпись: «Написано, чтобы видели и говорили о том, что этот брак положит конец войне». Что касается «sotyltie», то на одной из них было изображение пеликана с детенышем, кроме того, была фигура Святой Екатерины (Александрийской), держащей в одной руке книгу и в другой — сверток, была также фигурка пантеры — эмблемы королевы и привычной эмблемы Святой Екатерины — колеса. Третьим и наиболее впечатляющим был «тигр, смотрящийся в зеркало, и вооруженный человек, сидящий на лошади и держащий в своих руках тигренка, с девизом «Par force sanz reson il ay pryse ceste beste», и делающий вид, что другой рукой бросает зеркало в большого тигра — «Gile de mirrouir ma fete distour!». Легенда о Тигре и Зеркале была очень подробно

90 разработана мистером Дж. К. Дрюсом, большим специалистом в области альтернативной истории, при работе над гербом «Семьи Сивиллы Кентиш», но он, похоже, не знал об этом случае. Ранний бестиарий⁷ сообщает нам, что «зверь по имени тигр⁸ — своего рода змея» (это наводит на мысль о зоологической классификации, характерной для железно-дорожных носильщиков из журнала «Панч»: «Кошки — это собаки, кролики — это собаки, а черепаха — это насекомое»). «Этот зверь настолько храбр и свиреп, что ни один человек не осмеливается приблизиться к нему. Когда у зверя есть детеныши... охотники наблюдают, пока не увидят, что тигр уходит и покидает свое логово и детенышей; затем они хватают детенышей и ставят зеркала на тропинку, по которой уходят. Характер тигра таков, что, каким бы злым он ни был, он не может не посмотреть в зеркало». (Неправда ли, это больше наводит на мысль о Еве, чем о змее?) «Заглянув

⁷ Бестиарий (ср.-век. лат. *bestiarium*, от лат. *bestia* — зверь), Каталог диковинных животных, как реальных, так и вымышленных. Получил широкое распространение в Западной Европе после перевода на латынь и последующих переводов на национальные языки.

⁸ Геральдический тигр — *tyger* не равен настоящему тигру — *tiger*. А принимая во внимание детенышей, можем заключить, что перед нами бестиарная тигрица.

туда, он подумает, что видит в зеркале своего детеныша; он с большим удовлетворением узнает свою фигуру и твердо верит, что нашел свое дитя». (Это свойство зеркала может дать ответ на загадочный вопрос о том, почему многие женщины упорно одеваются как их дочери.) Таким образом, охотники убегают, а тигр остается на своем месте, и я думаю, что мне лучше последовать примеру тигра.

IV. Смерть и врачи

Изучать медицинский словарь — означает удивляться тому, что любой из нас может хоть ненадолго оставаться здоровым, ведь в теле так много хрупких органов и вокруг столько болезней, подстерегающих их. Ваше удивление возрастет, если вы прочитаете заявления специалистов о диетах и опасностях, которые сопутствуют употреблению любой пищи или питью любой жидкости. Добавьте к этому необычайную легкость, с которой происходят несчастные случаи, и грань между жизнью и смертью станет на удивление тонкой. Экипаж эсминца обычно отделен от иного мира примерно четвертью дюйма стали. У большинства из нас перегородка менее очевидна, менее постоянна и однородна, но местами почти так же тонка. Большинство из нас, за исключением самых закаленных, всегда должны испытывать чувство приятного удивления, когда удастся благополучно перейти на другую

сторону площади Пикадилли или набережной у Блэкфрайарс. (Верно, что в последнем случае Совет проявил отцовскую, если не сказать бабушкину заботу, предоставив неинтересную альтернативу в виде метро, но только у неторопливых спортсменов может найтись время или энергия, чтобы спускаться и снова подниматься по этой лестнице.) Средний городской житель каждый день находится в пределах дюйма или секунды от смерти, и только когда дюймы и секунды становятся дробными, он на мгновение осознает всю ненадежность своего бытия, что тоже хорошо. В каждой эпохе есть свои опасности: у нас это автомобиль — невольный поборник социализма в своем жестокоем индивидуалистическом пренебрежении правами других; что касается средневекового человека, то я склонен думать, что больше всего он подвергался риску из-за вспыльчивости своих собратьев.

Время от времени, когда какого-нибудь нежелательного чужака арестовывали за то, что он нанес удар ножом врагу или случайному знакомому, который его рассердил, магистрат полицейского суда, к которому приводили преступника, с патриотической гордостью комментировал «неанглийский» характер такого преступления. Действительно, в настоящее время англичанин, как правило, выражает

94 свое несогласие с противником с помощью кулака или подкованного сапога, а не ножа, но в Средневековье это, конечно, было не так. Назовите человека хамом в наши дни — и вы, скорее всего, получите синяк под глазом, но в XIII веке результаты были бы более плачевными, как обнаружил Джон Марш, применив этот унижительный термин к Ричарду Франкфи, когда они возвращались из церкви в Донкастере, ибо Ричард тотчас же зарезал его.

В те дни каждый мужчина имел при себе нож, кинжал, меч или базелард и без колебаний достал бы их, если бы рассердился. Излишне говорить, что нож особенно часто использовался после праздников урожая, поминок и, конечно же, посещений таверны, поскольку пьянство было английским пороком еще с тех пор, как в XII веке Фитц Стивен называл «чрезмерное пьянство дураков» одним из двух лондонских бедствий. Не берусь судить о том, насколько этому недостатку были подвержены оба пола, время от времени попадаются редкие упоминания женщин в тавернах, но они могли вести себя там так же безупречно, как их потомки в современной чайной. Насколько я помню, мне встречалось лишь одно упоминание о женщине, встретившей смерть в пьяном виде, — это

была уроженка Йоркшира, упавшая в колодез. В то же время, если учесть, что в XV веке «хороший отец учил свою дочь» и наставлял ее: «Если ты будешь пьяна, это приведет тебя к позору», — то можно предположить, что случайные излишества могли встречаться. Любопытно, что за исключением пьянства, кровавые нападения были редкостью, и довольно интересно, что всего лишь два обнаруженных мной случая ссор мужчин из-за женщины с фатальными последствиями произошли на железоделательном заводе в Йоркшире в 1266 году.

Нередко ножи приносили смерть без злого умысла со стороны их владельцев. В основном это случалось во время детских игр, когда нож выпадал из ножен и наносил смертельную рану. В таких случаях, если владельцу было больше двенадцати лет, он теоретически должен был отправиться в тюрьму и оставаться там до тех пор, пока не получит формальное помилование от короля за непредумышленное убийство. Я говорю «теоретически», «потому что на практике преступник обыкновенно сбегал», что, как я подозреваю, означало, что он просто забежал за угол, в то время как констебль внимательно смотрел в совершенно другую сторону. В 1280 году в Дорсете произошел необычный инцидент, связанный с ножом,

96 когда девушка, убирая со стола после обеда, подняла скатерть с ножом, забытым на ней, и, выходя из комнаты, споткнулась и упала так, что нож застрял в ней. Это было примерно в тот же день, когда крестьянин Уильям ле Кей из Саффолка швырнул нож в стену своего дома, а тот отлетел и убил его маленькую дочь, лежавшую на коленях у матери перед очагом. Непонятно, зачем он бросил нож в стену, но люди часто разбрасывались вещами, причиняя вред безобидным прохожим. Например, однажды мужчина бросил грабли в курицу и ударил собственного ребенка. Дети вообще имели несчастную способность выскакивать из-за угла с плачевными для себя последствиями, особенно часто это случалось, когда ребята постарше бросали кольца или играли в пеннистоун на деревенской улице. Одним из самых интересных случаев того, что мы можем назвать косвенной виной, произошел, когда два маленьких мальчика отправились в сад за яблоками. Мальчишка бросил камень в дерево, но вместо того, чтобы сбить яблоко, камень ударился о другой камень, который кто-то бросил задолго до этого, этот камень отлетел прямо в голову второму ребенку, убив его. Другой случай непреднамеренного убийства произошел в XIII веке в Ноттингемшире, когда Ричард Палмер залез на кладбищенское

...схватился за ветку...

дерево, чтобы достать воронье гнездо. Он стоял на суку, как вдруг тот сломался; но результат оказался не таким, как можно было бы ожидать: Ричард схватился за ветку и, долго повисев, благополучно спустился вниз.

*...сломанная ветка упала на голову человека,
стоявшего внизу...*

Однако сломанная ветка упала на голову человека, стоявшего внизу, он-то и оказался той «собакой, что околела».

Пожары, по мнению Фитца Стивена, были вторым лондонским бедствием и играли непосредственную роль в предотвращении перенаселения, чего и следовало ожидать, ведь каркас домов был деревянным, крыша покрывалась соломой, а пол устилали сеном или тростником. Если хозяйка ложилась спать, забыв на стене зажженную свечу, неудивительно, что ей приходилось заплатить жизнью

за такую беспечность, но, как правило, жертвами становились дети или пожилые люди, и зачастую непосредственной причиной пожара была какая-нибудь курица, свинья или теленок, которые подходили к открытому очагу и рассыпали угли на устланный соломой пол. Но даже средневековому крестьянину, делившему хижину со своим скотом, нечасто доводилось разнимать двух лошадей, дерущихся на его кухне; однажды такой случай произошел с мужчиной из Винчестера, и, как это обычно бывает, миротворцу досталось больше всех. Помимо этого, огонь, действующий косвенно, через воду, был еще одной распространенной причиной бед: поразительно количество случаев, когда люди, обычно дети, ошпаривались кипятком до смерти. Могут только предположить, что котлы были большими и ненадежно закрепленными. О том, что они были большими, можно судить по частоте, с которой люди попадали в них. Но и холодная вода оказывалась не менее смертоносной. В частности, согласно йоркширским судебным записям, количество людей, упавших с мостов и выпавших из лодок в ручьи и колодцы, должно быть, серьезно нарушало чистоту водоснабжения, но, к счастью, в те дни воду пили очень редко. Похоже, что наиболее распространенной причиной утопления было

100 падение с лошади, и средневековая версия известной поговорки должна была быть такой: «Человек может добраться до воды на лошади, но девять из десяти не смогут остаться на ней, когда она начнет пить». Принимая во внимание количество случаев, когда люди, поймавшие своих лошадей, действительно падали, и допуская разумный процент упавших в воду, но выкарабкавшихся, стандарты средневековой езды должны были быть примерно такими же, как у Белого Рыцаря, который упал через голову своего коня, когда тот остановился, и затем, вновь забравшись на коня, упал через хвост.

Иногда своего рода движущим агентом утопления, если можно так сказать, оказывался человек, как в случае с тканевым мастером из Тадкастера, который, «рассердившись на свою жену», бросил ее с причала и утопил. Мера кажется чрезмерной, и он не мог сослаться на опасность кораблекрушения — оправдание сиракузца, который «бросил свою жену в море», так как «все тяжеловесные вещи должны были быть убраны с корабля», ведь «она была самым большим бременем». Несмотря на вынесенный вердикт «несчастный случай», я не могу не испытывать некоторого скептицизма по поводу инцидента, который произошел в 1220 году в Бедфорде, когда мельник Уильям

вез нескольких евреев на своей телеге, но на мосту телега упала в воду и трое евреев утонули. Когда я читал эту историю, я невольно вспомнил беседу Сэма Уэллера с мистером Пиквиком о замечательном случае, произошедшем у его отца с избирателями: «Местами дорога очень плохая», — сказал отец. «Думаю, особенно возле канала», — отвечает джентльмен. «Вы не поверите, сэр, что в тот самый день, как поехал он с этими избирателями, его карета и опрокинулась на том самом месте, и все до единого высыпались в канал».

Иногда жертва бросалась в воду добровольно, как в случае с Джоном Милнером, который, невзирая на последствия, которых мы могли ожидать от его имени¹, прыгнул в Уз. Последствием для него было то, что он превратился в нечто такое, что господин Манталлини называл «проклятый, влажный, отвратительный труп», и присяжные пришли к выводу, что он действовал под влиянием «дьявольского искушения». В то время как присяжные проявили определенную смелость, обвиняя дьявола в совершении уголовного преступления, пособничестве и подстрекательстве, они выказали большую осмотрительность в другом вопросе, поскольку, когда одного мужчину и его

¹ Да, мельничные жернова плохо плавают.

102 жену убила молния, современные присяжные признали бы это «стихийным бедствием», однако средневековые присяжные вынесли менее догматичный и более разумный вердикт о том, что «никто не подозревается». Приятно отметить, что в еще одном случае, когда жена нашла тело своего мужа, убитого молнией, присяжные полностью оправдали ее, заявив, что «ее не подозревают» (в совершении этого).

Вердикт «искушение дьявола» не кажется мне убедительным в случае самоубийства, но, похоже, это было чем-то средним между *felo-de-se* и безумием, по сути средневековым эквивалентом того «временного помешательства», которое является неизменным приговором в наше время. Мысль о том, что человек, должно быть, сошел с ума, чтобы покончить с собой, и что, следовательно, все самоубийства являются безумными, не приходила в голову средневековому человеку. Но люди, очевидно, замечали, что бывали случаи, в которых самоубийца был сам не свой, хотя при этом он и не был достаточно вне себя, чтобы считаться абсолютным сумасшедшим. В некоторых из этих старинных отчетов есть странные и мрачные истории о безумцах. Одна из них, без ложного пафоса, повествует о дьявольски искаженных благих намерениях. Роберт де Бремвик, сумасшедший, у которого

...бросил в котел с горячей водой...

бывали периоды просветления (и поэтому, вероятно, его не так тщательно охраняли), в припадке безумия схватил свою сестру Дениз, от рождения бывшую горбатой, и, желая выпрямить ее, бросил в котел с горячей водой, а затем, вынув ее из этой «ванны», топтал ногами, чтобы выпрямить ее конечности.

За исключением эмпирического выпрямления костей этим сумасшедшим, я помню, что наткнулся только на один случай операции,

104 упомянутой в этом конкретном виде записей коронера. Это случилось в 1330 году, когда Ричард де Бернестон, хирург из Ноттингема, разрезал вену на руке Уильяма де Бруннесли, и впоследствии Уильям умер от сердечной недостаточности. Довольно примечательно, что доктора, кажется, практически никогда не бывали ответственны за смерть своих пациентов, хотя в 1350 году мы сталкиваемся с Томасом Расином и его женой Пернель, врачами, помилованными за смерть Джона Паньерса, мельника из Сидмута, которого они, как говорили, убили вследствие незнания своего искусства. Обвинение не только лекаря, но и его жены, по-видимому, указывает на то, что дело происходило в средневековой лечебнице. Как правило, когда пациент умирал под присмотром врача, его родственники относились к этому вопросу философски и предполагали, что лечение было правильным и что он умер бы в любом случае. Основные хлопоты создавали выжившие пациенты. Например, жил в XV веке викарий Хатфордширского прихода Томас Медуэ, у которого «по Божьей воле заболело горло». Местный лекарь или его эквивалент, который, вероятно, был «мудрой женщиной», не смог справиться с этой болезнью, и викарий приехал в Лондон, чтобы проконсультироваться с хирургом Джоном

Девилем, который посоветовал ему пластырь для горла, стоивший 4 пенса, после чего викарию должно было стать лучше. К несчастью для обоих, после своего первого эксперимента хирург обнаружил, что у его пациента «не образовалось отверстия», и настоял на том, чтобы тот взял у него другой пластырь, стоимостью 20 пенсов, чтобы сделать ему «отверстие». Результат был плачевным, так как пациент «впал в такую немощь, что не мог даже говорить, и, скорее всего, умер бы», если бы не нашел другого врача. В данных обстоятельствах, возможно, было естественным, что викарий решительно выразил свои чувства, когда Девиль прислал счет на 20 шиллингов за приемы. Был еще один случай с Эдмундом Брокком из Саутгемптона, приехавшим в Лондон, чтобы сделать операцию и доверившим себя Николасу Саксу, который сразу выставил счет в 33 шиллинга и 4 пенса, из которых 13 шиллингов и 4 пенса следовало оплатить заранее. Пациент, по его собственным словам, находился под угрозой для своей жизни из-за «необычайной неопытности» доктора Сакса и был вынужден позвать Джона Серджена, «жившего на Паулз-Чейн», который его вылечил и которому он заплатил 20 шиллингов, что, по утверждению его некомпетентного предшественника, доктора Сакса, причиталось ему.

Конечно, у этой медали была и другая сторона: пациенты в те времена, как и сейчас, охотнее давали обещания, когда болели, чем платили, когда выздоравливали. Например, Уильям Робинсон, галантерейщик с Ломбард-стрит, который заболел язвой и послал за Уильямом Паронусом, пообещав, что, если тот спасет его, то «он вознаградит его так, как он никогда еще не бывал вознагражден за свои труды»; но когда после месячного посещения он выздоровел, то отказался оплатить даже расходы врача на лекарства. Иногда случалось так, что сложно было определить, кто же прав. Одно такое дело попало в суд в 1292 году. Когда заболел Могер ле Вавассур, член известной йоркширской семьи, его жена Агнес, а также его друзья и родственники, в том числе его дядя Генри ле Шапелейн, послали за мастером Отто из Германии (очевидно, известным доктором), пообещав заплатить ему одну марку за приезд и осмотр больного и еще шесть марок, если мастер возьмется за лечение. Итак, мастер Отто нанес визит, а затем отправился в аптеку в Йорке и приготовил различные лекарства и лечебные напитки, которые давал Могеру и которые имели отличный эффект. Когда пациент пошел на поправку, мастер Отто посадил его на очень строгую диету, настолько строгую, что Могер стал нервным, а его

супруга, жалевшая его, давала ему различные запрещенные продукты. Врач, обнаружив, что его указания не выполняются, отказался взять на себя ответственность за пациента, умыл руки и удалился. В этом случае возник вопрос, имеет ли он право на гонорар или же он проявил пренебрежение, оставив своего пациента до того, как тот полностью выздоровел. Присяжные решили, что мастер Отто назначил строгую диету для пользы Могера, а не с целью ослабить его, как предполагалось, и, таким образом, увеличить счет за посещения, но они также обнаружили, что на самом деле дополнительная еда принесла пациенту пользу и не навредила. Вынести приговор обеим сторонам было непростой задачей, и суд отложил свое решение.

Еще один довольно любопытный инцидент произошел примерно в середине XV века. Эрик де Ведика, один из монахов Серых Братьев Лондона, был высокочлассным врачом. Однажды его позвала жена винодела Уильяма Стейда, Элис. Она очень плохо себя чувствовала, и как только брат Эрик увидел ее, то сразу отметил ее «преклонный возраст и ее болезнь», и его с трудом удалось убедить попытаться вылечить ее. Однако после пяти недель «внимания» он так хорошо справился со своей работой, что она «почувствовала себя

значительно лучше, была ему очень благодарна и заплатила ему 20 шиллингов за его труды». А затем ее муж-скряга, который, возможно, был не очень-то доволен ее выздоровлением, подал в суд на брата Эрика за то, что тот взял деньги, и технически несчастный монах не имел защиты, поскольку «Общее право предполагало, что жена не может распоряжаться имуществом или деньгами мужа без его разрешения, таким образом, это было противоправным лишением». Но мы надеемся, что Канцлерский суд, к которому обратился за помощью брат Эрик, отменил Общее право и воспользовался монашеским правосудием.

Для монахов знание науки и медицины не было чем-то необычным, но утверждение, которое я прочитал в одной недавно опубликованной книге о том, что большинство (полагаю, автор сказал «все») средневековых врачей «были, конечно, монахами», очень далеко от истины. Напротив, даже в самых больших монастырях в случае серьезного заболевания было принято вызывать врача извне и пользоваться услугами светского врача. Например, в XIV веке кафедральный монастырь Винчестера заключил соглашение с мастером Томасом из Шефтсбери о том, что он должен посещать монастырь в обмен на питание и проживание, при этом, заметьте, что суточное питание на

одного человека включало полтора галлона лучшего эля и галлон пива. Вероятно также, что магистр Адам из Сент-Олбанса, хирург из Или, осматривавший короля Эдуарда I во время его последнего недуга в Ланеркосте, был также и монастырским врачом. При дворе, конечно, были свои лекари, хотя их жалование было невысоким: хирурги первых двух Эдуардов получали от одного до двух фунтов в год, но имели привилегии в виде меховых мантий, денежных подарков или серебряных кубков от благодарных пациентов и значительные денежные сборы от церковных приходов. Излюбленный способ пенсионного обеспечения придворного врача — дать ему одну или несколько пребенд или ректорий. Иногда пенсия принимала форму поместья, например Эдуард III пожаловал своему хирургу Джону Лече земли в Килдэре. Правда, этот подарок оказался скорее белым слоном, поскольку в начале следующего правления парламент, видя пороки абсентизма, приказал, чтобы все владельцы ирландских имений проживали там лично или же оплачивали труд человека, который бы помогал поддерживать порядок там, обе альтернативы в равной степени не могли удовлетворить чувства старого хирурга. При таком скудном и ненадежном вознаграждении было простительно то, что королевские

*...постучал и тихонько приоткрыл
дверь в покои...*

врачи иногда старались поймать свой главный шанс, так, Фабиан рассказывает историю о некоем мастере Доминике, лекаре (очень крупном) королевы Елизаветы, супруги Эдуарда IV, когда та была в ожидании. Перед рождением ее первого ребенка (принцессы Елизаветы) мастер Доминик был абсолютно уверен, что

это будет мальчик, и поэтому, когда подошло время, он стоял у покоев королевы, «чтобы быть первым, кто принесет королю весть о рождении принца, надеясь получить за это большую благодарность и щедрое вознаграждение от короля». И, наконец, когда раздался детский крик, он постучал и тихонько приоткрыл дверь в покои и спросил, кого же родила королева. Одна из дам ответила: «Кто бы там ни родился у ее милости королевы, но с вашей стороны было глупо здесь стоять». И, сбитый с толку таким ответом, он отказался от идеи пойти к королю.

Положение медика, не приписанного ко двору или к какой-нибудь дворянской свите, было довольно неопределенным. В Лондоне в XIV и XV веках городские хирурги находились под контролем двух или более мастеров-хирургов, которые выступали в качестве универсальных консультантов. Любой хирург, берущийся за дело, сопряженное с риском для жизни и здоровья пациента, обязан был вызвать одного из мастеров, чтобы удостовериться, что ведет лечение правильно. Таким же образом ветеринарные хирурги имели право обратиться за советом к мастеру-коновалу, и если из-за тщеславия или небрежности они не делали этого и лошадь, которую они лечили, погибала, то они должны были нести

*...перевязать его тело полотенцами
и поясами...*

ответственность перед владельцем и возмещать ущерб. Что касается деревенских специалистов, то не совсем понятно, лицензировал ли кто-то их деятельность или же они сами наделяли себя полномочиями.

Несомненно, в провинциях было определенное количество ученых, и в 1478 году сэр Джон Сэвидж смог найти для Роберта Пилкингтона «практикующего лекаря» в Маклсфилде. Он определенно нуждался в помощи, поскольку переел «зеленого гороха», содержащего яд, и «желудок его настолько распух, что пришлось перевязать его тело полотенцами и поясами», чтобы оно не лопнуло. Когда

человек находится в таком состоянии, то, как сказал бы Николас Калпепер, у него «один шанс из тысячи дожить до возраста маленькой рыбки», но врач «очень успешно вылечил его», и он выздоровел. Однако, как правило, часто оказывалось, что деревенские лекари знали об искусстве исцеления немногим больше, чем многие из их пациентов. Следует помнить, что знания о простых лечебных травах были очень широко распространены, а знакомство с более сложными препаратами составляло часть обучения высших классов. Разве хозяйки поместий практически до наших дней не раздавали домашние лекарства своим людям, чей простой ум и *dura ilia* получали от этого большую пользу? Да, «короли и королевские сыновья» и другие благородные люди были эксцентричными врачами, в Британском музее хранится книга с рецептами пластырей и мазей, составленная Генрихом VIII. За полвека до этого для страдающего подагрой монарха «хороший граф Херфорт стал прекрасным лекарем», хотя, похоже, он имел склонность к экстравагантному увеличению количества ингредиентов в своих рецептах. В более скромных слоях общества при каждом монастыре был лазарет. Тамошний врач, хотя и зависел от посторонней помощи в серьезных случаях, мог лечить обычные болезни своих собратьев и по крайней мере

следить за тем, чтобы имбирь, корица и пион (последний наиболее эффективен против злых духов или ночных кошмаров) всегда имелись в наличии в шкафу лазарета. Примечательно, что в сотнях больниц, основанных до Реформации, начиная больницы Святого Леонарда в Йорке с двумя сотнями коек, не было должного медицинского обслуживания, что и говорить о более мелких больницах. Их редко возглавляли медики. Мастер Томас Голдингтон, один из хирургов Эдуарда III, был назначен начальником двух больниц, в Дерби и Карлайле, но единственным результатом было то, что он занялся частной практикой, пренебрегая больницами. Естественно, что обязанности по уходу за больными ложились на капелланов или некоторых обитателей монастыря, преимущественно женщин. Знахарки, практикующие в сельской местности, были и во времена правления Елизаветы. Одна из них, Изабель Варик, практиковавшая хирургию в Йорке, нуждалась в защите от своих соперников-мужчин. За столетие до этого в Лондоне служанка Уильяма Грегори Элис Шевингтон, «притворившись, что обладает навыками исцеления глаз», проводила большую часть времени, заботясь о глазах соседей, а не о доме своего хозяина, поэтому он урезал ее щедрое жалованье в 16 шиллингов в год.

Но, конечно же, этого непрофессионального знания о травах и т. д. было совершенно недостаточно, поскольку, как сказал остроумный и здравомыслящий Эндрю Борд, цитируя Галена: «Если лекарь не будет знать астрономии, геометрии, логики и других наук, то сапожники, кожевники, плотники, кузнецы и все прочие ремесленники оставят свои занятия и станут лекарями», как это происходит сейчас, когда многие сапожники пытаются лечить. Как Калпепер мог, не зная астрономии, обнаружить, что некий французский медик, был «как Марс в Козероге», как «помуотер — яблоком», то есть — глупцом? Было также немаловажно знать мистические свойства драгоценных камней, многие из которых оказывали такое же целебное действие, как и любые травы. Это было настолько хорошо известно, что когда в 1217 году Элис Лансфорд из старинной семьи Восточного Сассекса (чи более поздние потомки пытались углубить ее древность, выискивая саксонских предков с поразительно невероятными христианскими именами Давид и Джозеф) заболела, то обратилась к Филиппу Добиньи и позаимствовала у него три кольца, а когда он попросил их возвратить, умоляла его во имя Бога не забирать их, так как без них она не могла выздороветь. К сожалению, вскоре после этого войска дофина Людовика

116 разграбили ее дом, и, хотя она в итоге поправилась, Филипп потерял свои кольца, одно из которых было с сапфиром, за которое он не взял бы и 50 марок.

Считалось, что драгоценные камни оказывают благотворное влияние не только когда их носят в кольцах или держат во рту, но и когда принимают внутрь. Среди длинного списка лекарств, составленного для Эдуарда I во время его последней болезни в 1307 году, фигурирует «успокоительный электуарий, сделанный из серой амбры, мускуса, жемчуга и гиацинтов, а также чистого золота и серебра». В конце списка находится «драгоценный электуарий под названием «Декамерон», и книга рецептов XV века гласит, что он состоял из имбиря, корицы, гвоздики и других специй, черного, белого и длинного перца, мускуса, амбры, «кости оленьего сердца», коралла, чистого золота и стружки слоновой кости. В этой же книге описан еще более сложный препарат, называемый «Электуарий герцога», состоящий из пятидесяти ингредиентов, но в основном травяных и не столь драгоценных или трудноперевариваемых, как вышеперечисленные. Эти электуарии, представлявшие собой разновидность лечебных конфет, по-видимому, употреблялись в больших количествах, поскольку аптекарь короля Эдуарда Ричард де Монпелье

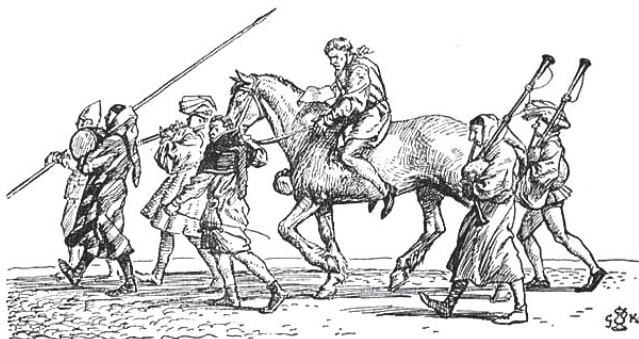
приготовил более 280 фунтов электуариев на основе сахара. Они стоили 1 шиллинг за фунт, в то время как «Декамерон» стоил 13 шиллингов 4 пенса за фунт, а четыре унции розовых конфет (sucurosset) с жемчугом и кораллами стоили 3 фунта 13 шиллингов и 4 пенса. Еще одним драгоценным веществом была восточная амбра, которую добавляли в еду и вино короля. Однако все эти лекарства и забота его врача, мастера Николаса де Тингевика, мастерство которого король оценивал очень высоко, оказались бесполезными.

Наибольший интерес представляет список лекарств, составленный для шотландской экспедиции в 1323 году, поскольку показывает, что хорошо звучащее название лекарства было общепризнанным достоинством еще за шесть столетий до того, как г-н Пондерево запустил звучный Тонго-Бенге. Вот несколько таких названий: Оксерокросиум, Диатераскос, Апостоликон, Диакулон, Церонеум Попилион, Агриппа, Грация Деи. Все это — запатентованные лекарства. Гальбанум, Армоньяк, Апопонак, Беделлум, Коллофониум, Мастик и Драконья кровь — более простые препараты для приема внутрь. Серуза, Каламин, Литарж и Тути — минеральные вещества. Тути был «порождением искр медных печей, в которые бросали растертый в пыль минерал Каламин».

Из звучных препаратов «Попилион» был назван так из-за содержавшихся в нем листьев тополя. «Диатераскос» представлял собой пластырь, состоящий из смолы, воска, уксусной кислоты и различных ароматических веществ. «Церонеум» был похожим пластырем без кислоты, содержавшим гораздо больше ароматических веществ, а также шафран, алоэ и окись свинца; а «Диакулон» был третьей разновидностью пластыря, очень отдаленно напоминавший клейкие пластыри современности. Препарат, называемый «Агриппа», в XV веке продолжал использоваться для лечения глухоты, в то же время «Апостоликон» готовился следующим образом: возьмите равные количества вермута (полыни), мелколепестника (водяной петрушки), центори, подорожника и красного осмонда и столько же репейника, как и всех остальных ингредиентов, «размешайте в уксусе и добавьте унцию медового воска (пчелиного воска), растопленного в женском молоке» (любимый растворитель). К этому добавьте квасцы, гальбанум, смолу и скипидар, так получится мазь. Если это недостаточно мудрено для вашей цели, сделайте «Грация Деи»: возьмите буковицу, первоцвет и вербену, хорошо вымойте их и мелко нарежьте, после чего положите в глиняный горшок и залейте галлоном белого вина, и, если

у вас нет белого вина, возьмите красное и поставьте на огонь, пока не закипит, дайте остыть, процедите через марлю, снова вскипятите и добавьте полфунта хорошего медового воска, растопленного в женском молоке, фунт канифоли, фунт глета, фунт гальбанума, фунт опопонакса и фунт сусла, хорошо перемешайте, а затем сделайте бальзам и позвольте ему постоять на огне, пока вы прочтете «*Miserere mei deus*». Снимите с огня, добавьте скипидар и перемешайте снова, пока он не растворится, процедите и удалите грязь пером. Когда мазь остынет, ее нужно будет разминать руками до тех пор, пока она не станет липкой консистенции, затем намазать ею чистое белье или кожу, так как она полезна от всех видов опасных язв. Есть еще один метод приготовления «Грация Деи», который использовал «Хопкин с фермы Киллингворт», то есть в лазарете монастыря Киллингворт, и третий рецепт, разработанный графом Херфордом и гораздо более тщательно продуманный. Используемые травы: буковица, вербена, первоцвет, окопник, осмонд, дайши, мышинное ухо, подорожник, ревень, тысячелистник (тысячелистник, который у саксонских врачей, по-видимому, считался полезным для всего, начиная с головных болей и оканчивая укусами змей), анис, фиалки, лихнис, дикий сельдерей, шалфей и репейник».

Если же эти простые средства не приносили успеха, всегда можно было прибегнуть к чарам — какой-нибудь языческой тарабарщине либо рифмованным молитвам к святым. Страдающему зубной болью было уместно обратиться к святой Аполлонии, которую пытали, выбив ей зубы молотком, но не столь очевидно, почему человек, страдающий падучей болезнью, должен отрезать свой мизинец и написать кровью имена трех царей — Каспара, Бальтазара и Мельхиора — на куске пергамента и повесить на шею; и я так же не понимаю, почему святых Никасия и Кассиана следует призывать против «уховертки или любого червя, заползшего человеку в голову». В любом случае, в подлинности амулетов нужно быть уверенным, как понял в 1382 году Роджер Эйч. Его жена, Джоан, была больна, и он поверил на слово некоему Роджеру Клерку из Уондсуэрта, что тот хорошо разбирается в медицине и заплатил ему 12 пенсов за лечение жены. Клерк вырвал лист пергамента из книги, зашил его в золотую ткань и попросил Джоан повесить на шею. Когда ей не стало лучше, у мужа зародились подозрения и он обвинил Клерка в мошенничестве. Когда же Клерка попросили объяснить ценность куска пергамента, он сказал, что это хорошее заклинание от лихорадки и содержит слова «*Anima Christi sanctifica me*»

...провести его через центр города...

и другие подобные благочестивые выражения. Но при осмотре обнаружили, что таких слов там не было. Поскольку Клерк оказался невежественным в медицине и неграмотным, было вынесено решение провести его через центр города верхом на лошади без седла, с пергаментом и точильным камнем (признанным символом лжеца) на шее, а перед ним нести неприличную эмблему профессии врача.

V. Власть имущие

Распространено заблуждение о том, что Англия в старину была «счастливым» местом. Под этим понятием я подразумеваю тот расплывчатый период, когда все слова писались с буквой «е» в конце, и большинство — с буквой «у» в середине. Этой идеи придерживаются не только *laudatores temporis acti*, полагающие, что безопаснее жаловаться на прошлое, которое никогда не воскреснет, чем восторгаться будущим, которое обязательно наступит и может оказаться разочаровывающим, но и те энергичные люди, которые намереваются изменить этот мир к лучшему, воображая, что их схемы принудительного счастья на самом деле только вернут утраченную радость нации. Жизнь в Средние века, несомненно, была более яркой, разнообразной, живописной, но то, что она была радостнее — это по крайней мере сомнительное предположение. Поскольку жизнь людей отображается в их искусстве,

мы можем сопоставить жизнь Средневековья с причудливыми, неправильными линиями какой-нибудь неблагоустроенной деревенской улицы или со старинными частями таких городов, как Винчестер и Гилфорд, и противопоставить их жизни в середине викторианской эпохи, самом плоском и скучном из всех периодов, как его олицетворяет Брикстон (район Лондона), или с легкомыслием наших дней. Но и тогда картина будет неполной. Где-то позади, за прямыми чертами «Террасы Альма» или изогнутым и неровными чертами «Авеню Мафекинг», скрывается не что иное, как чья-то резиденция или «родовой особняк». За вашими живописными старинными домиками хмурится тень феодальной крепости. И, как заметил Хаксли молодому человеку, который сказал, что ему безразлично, был его прадед обезьяной или нет, «это должно было иметь огромное значение для вашей прабабушки».

Недаром среди землевладельцев встречаются такие имена, как Батвиллан, Скоршевиллан и Маунгевиллан. Были такие феодалы, которые били, жгли или пожирали своих вилланов, и около шести с половиной веков назад предок нынешнего лорда Эшбернхема мог ущемлять своих арендаторов до тех пор, пока они не превращались в нищих, а если они жаловались в суд, мог легкомысленно ответить,

что это его вилланы, и, если у них нет травм, опасных для жизни и здоровья, ему нет нужды отвечать им. Таково было положение основной массы крестьянства, но на практике они не часто страдали от подобного поведения, так как, очевидно, помещикам было выгоднее иметь зажиточных арендаторов. Крестьяне, йомены и мелкие дворяне чаще страдали от произвола чиновников, роя управляющих, бейлифов и так далее. Эти люди, находившиеся под защитой цепочки начальства, восходящей к какой-нибудь высшей знати, жили за счет своих соседей, вымогая у них деньги под любым предлогом и без него.

Любимым оружием были присяжные; частота, с которой они созывались, и связанные с этим неудобства для тех, кого отрывали от работы, заставили более зажиточных людей хорошо платить за освобождение. Деньги можно было получить, вызвав в четыре или пять раз больше присяжных, чем требовалось, и взяв взятки с лишних за то, чтобы их отпустили домой. Очень распространенным явлением вымогательства в сельской местности был «скотэйл» — что-то вроде деревенского пиршества. Несомненно, это придавало деревенской жизни вид веселости, точно так же, как извивающийся червяк на крючке производил поверхностное впечатление веселья, которое

вводило в заблуждение старого Исаака Уолтона. Очень сомнительно, что пирующие действительно радовались, зная, что эль, составлявший главную деталь трапезы, был сварен из солода, который они так неохотно жертвовали, и что они платили за (обязательную) привилегию потреблять свою же продукцию. Не избежали подобного и городские жители. Пятьсот лет назад даже рождественские подарки были установленным вымогательством. В 1419 году мэр Лондона Уильям Севенок был вынужден запретить обычай слуг мэра, шерифов и прочих чиновников выпрашивать рождественские подарки у торговцев, поскольку обнаружилось, что они использовали угрозы в отношении тех, кто не дарил подарки и не желал принимать их у других в качестве взятки, чтобы не привлекать внимание к собственным нарушениям торговых законов. Городские чиновники и придворные обирали торговцев не только на Рождество; с помощью подарков поставщикам старались избегать сомнительной привилегии снабжения королевского двора провизией, и одним из результатов было то, что время от времени по пивоварням ходили мошенники, притворяясь придворными поставщиками и забирая деньги только за то, чтобы оставить эль в покое. Подобным мошенником, не лишенным чувства юмора, был

Уильям Пикмайл, который в 1379 году прибыл в городской особняк графини Норфолк и, притворившись королевским посланником, сообщил, что на следующий день она приглашена пообедать с королем в замке Лидс, недалеко от Мейдстона. Получив от нее награду в размере 3 шиллингов и 4 пенсов (королевские посланники всегда рассчитывали на щедрые чаевые), он отправился к графине Бедфорд и передал аналогичное сообщение, только выбрав местом обеда Элтем. Приезжали ли дамы в места назначенных встреч, не зафиксировано, но веселый обманщик был пойман и препровожден в Ньюгейт.

Если бы люди Средневековья не могли пожаловаться ни на что, кроме вымогательства с помощью угроз и уловок, они, возможно, были бы достаточно счастливы, но, когда судебные приставы применяли свои полномочия произвольного ареста и заключения в тюрьму, это было уже совсем другое дело. Начиная с шерифов и ниже, те, кто «обладал хотя бы небольшим авторитетом», бессовестно использовали его, чтобы набивать собственные карманы, утаскивая людей в тюрьму по ложным обвинениям или вообще без каких-либо обвинений и заставляя осужденных преступников обвинять невиновных в причастности к их преступлениям. Освобождение из тюрьмы

зависело исключительно от выплаты штрафа соответствующему должностному лицу и было почти так же доступно для виновных, как и для невиновных. В некоторых случаях сила закона могла быть использована для оказания помощи преступнику и наказания его жертвы. Во время хаоса последних лет правления Генриха III некий Уилкин Глозбурн обвинил Гилберта Вуда в убийстве своего сына. Гилберт быстро изменил ситуацию, подкупив тюремщика Йорка, который арестовал Уилкина по обвинению в краже, привязал его голым к столбу в тюрьме и держал без еды, пока тот не уплатил 40 шиллингов. Примерно в то же время в Саффолке некий мужчина украл шесть гусей, принадлежавших Констанс де Барнокль. Возможно, он намеревался возражать, что это были «казарки», и поскольку этот вид, как известно, обитает в лесах и является *ferae naturae* (дикими), у них не могло быть владельца. Если так, то он, должно быть, почувствовал, что его оправдание было слабовато, так что он бросился бежать, преследуемый слугой леди. Вора поймали судебные приставы сотни Тинго, но либо они были его друзьями, либо решили сами не упустить возможность заполучить гусей, так как отпустили его на свободу, а когда преследователь подбежал, они показали с полдюжины совершенно других гусей,

...других гусей, ... которых слуга леди Барнокль, естественно, не смог опознать...

тех, которых слуга леди Барнокль, естественно, не смог опознать. Затем приставы много говорили о клевете и последствиях ложных обвинений и, запугивая, выманили 4 шиллинга из кармана незадачливого слуги.

Помимо обвинений в фактических проступках, в целях вымогательства могли быть использованы обвинения в противодействии преобладающей или в поддержке проигравшей

фракции. В конце правления Эдуарда II, когда у власти были Диспенсеры, камергер младшего Диспенсера, Алан Тисдейл, с помощью злодейского тюремщика Йорка Джеффри Эстона составил донос о том, что сэр Джон де Бартон плохо отзывался о Хью ле Диспенсере, чем Хью был очень разозлен и яростно угрожал сэру Джону. И сэр Джон, боясь влияния Диспенсера, был вынужден отдать свои земли, чтобы успокоить лорда. Те же два негодяя сожгли одну из мельниц Алана, а затем возложили вину сначала на сэра Джона де Бартон, затем на Томаса Випонта и, наконец, на аббата Байленда. Все они, опасаясь Диспенсера, заплатили огромную компенсацию. Кроме того, они вымогали земли у мастера Томаса де Лишэма, угрожая обвинить его в том, что он являлся сторонником Эндрю де Харкли, который в 1322 году получил титул графа Карлайла за участие в битве при Боробридже, а в следующем году был стремительно разжалован и казнен как предатель. Почти веком ранее Роберт Пасселеве, судивший евреев, вымогал 60 фунтов у богатого еврея Джона ле Престра, угрожая отправить его в замок Корф за то, что он финансировал епископа Карлайла и Юбера де Бурга, который в то время впал в немилость. У того же еврея Пасселеве, помимо всего прочего, выманил камею стоимостью 40 марок; кажется, он любил

130 драгоценности, так как присвоил камео и изумруд, принадлежавшие повешенному еврею, и заставил Бенедикта Криспина отдать ему еще одну камео, которую он впоследствии подарил королеве. Несколько вышестоящих особ угрожали Криспину, и ему пришлось расстаться с еще одной своей камеей, «на которой была выгравирована колесница с двумя ангелами», и отдать ее казначею Петеру де Рево.

Если евреи подвергались разграблению, то мы можем по крайней мере отдать должное нашим предкам за то, что они проявляли невероятную беспристрастность в подобном обращении с христианским духовенством. В 1315 году шериф Йоркшира, желая убедить магистра Генри де Перси, настоятеля Уоррома, отдать его церковь, натравил на него тюремщика Йорка Джеффри Эстона¹, о котором мы уже немного говорили и который связал магистра с осужденным преступником и продер-

¹ Запись в одном из протоколов о пытках этого человека заслуживает того, чтобы привести ее здесь, хотя по очевидным причинам лучше всего оставить ее на оригинальной латыни: «cepit unum vermem qui vocatur klok [т. е. овечий клещ] et posuit infra virgam Roberti de Alverton et ligavit virgam cum parva corda et posuit ipsum Robertum super unani cordam et ligavit cordam de una trabe ad aliam et fecit ipsum moveri super cordam predictam et membra sua frotari quousque finem fecit pro x marcis» (Прим. авт.)

жал пять дней без еды и питья. По истечении этого срока настоятель заплатил 20 фунтов за освобождение, но сохранил свой приход. Ободренный этим, помощник шерифа последовал примеру своего начальника и привел настоятеля Уиксли к Джеффри, который держал его «в ужасной камере в тюрьме», пока тот не выплатил 20 марок. Вероятно, в большинстве тюрем были такие «ужасные места», обыкновенно — подземные темницы, такие как «тюремная яма» в Эксетере, или яма в Ньюгейте, или место в тюрьме Королевского суда, которое с черным юмором XV века окрестили «раем». Заключенный там в «светлое время Рождества» Александр Локке «умолял, чтобы его перевели в какую-нибудь другую тюрьму». Помимо этих темниц, комфорт заключенных во многом зависел от наличия у них денег; они попадали в тюрьмы и «селились там не за счет его величества», а зависели от денег, предоставляемых друзьями, или от милостыни благотворителей, и если тюремщик оказывался тираном, то положение их было незавидным. В годы правления Генриха VIII смотритель тюрьмы в Норвиче Эндрю Аскетелл, обладая «безжалостным и алчным умом», угнетал бедных заключенных, взимая с них за эль вдвое большую плату, чем он стоил на улице, при этом следует помнить, что эль в те дни был

132 действительно «народной пищей в жидком виде» — и когда добрые люди посылали заключенным «горшочек эля», он заставлял своих слуг выливать эль на улице и разбивать сосуд. Он сделал это даже когда «маленький мальчик, чья бедная мать была заключена в тюрьму, принес ей кувшин с элем к тюремному окну». Олдермен Эдвард Реде и Д. П., увидев, как у нее отобрали эль, любезно прислали ей «кувшин с напитком». Этот присланный сосуд настолько рассердил зрителя, что он подошел к олдермену и оскорбил его, назвав «человеком из Бедлама», и, вероятно показал другую сторону тюремной жизни. Около двух столетий назад Ньюгейтом управлял Эдмунд ле Лоример, который шокирующе жестоко обращался со своими заключенными, не давал им еды, лишал их доли в общей милостыне и мешал им общаться с друзьями. Он грабил заключенных, отобрал у Роджера Мартела золотой крест с четырьмя гранатами и pere scapaudyn, или жабым камнем, — драгоценным камнем, который якобы находится в голове жабы и является бесценным противоядием. Он применял такие ужасные пытки, вымогая деньги, что многие погибали, в том числе рыцарь Сэр Джон де Хорн, а Роджер де Колни, будучи истощенным вследствие лишения еды, выхватил нож у товарища и перерезал себе горло.

Но не все, кто обладал властью, были чудовищами; зафиксировано, что бейлиф Саффолка, выздоровевший после болезни, обнаружив, что его заместитель виновен в вымогательстве, возвратил деньги и уволил заместителя. Но сведения из Йоркшира в 1275 году были довольно типичными: бейлиф графа Линкольна совершил «множество притеснений, грабежей и причинил большой ущерб», «множество других фактов, сверх удивительных», рассказывалось о субшерифе, и «бесчисленные дьявольские случаи угнетения» приписывались стюарду графа Варенна. Да и сам граф был жестоким человеком, он превратил примерно пятую часть графства Сассекс в заповедник и содержал вооруженных охранников, чтобы крестьяне не смели прогонять оленей из своей пшеницы. Хорошо известна история о том, что когда уполномоченные короля Эдуарда спросили, благодаря какому титулу он владеет своими землями, то он достал ржавый меч и сказал: «Им мои предки завоевали свои земли, и им я буду защищать их». Как и большинство известных историй, эта очень апокрифична, к тому же в этом случае больше подошла бы прялка, поскольку свои земли он получил по женской линии, но то, что он был готов защитить эти земли с помощью меча, вполне вероятно. Один из его потомков, граф

Суррей, живший во времена Генриха VIII, похоже, унаследовал часть его пренебрежения к закону, поскольку был обвинен в «непристойной и неприличной манере ходить ночью по улицам и бить окна из рогатки». Непохоже, чтобы он делал это, требуя дать право голоса пэрам, да и в конечном счете он признался в совершении этого зла и был препровожден в тюрьму Флит.

Жизнь в совершенно спокойном ныне Сассексе во времена графа Джона де Варенна, безусловно, должна была быть если не более радостной, то уж точно более захватывающей. Он вел своего рода междоусобную войну со своим соседом Робертом Агийоном, который был также в плохих отношениях с еще одним своим соседом, Уильямом де Брозом, а чуть западнее, в Мидхерсте, жил Джон де Богун, который проявил пренебрежение к закону, напав на Люка де Вьенна и сбросив его в пруд, когда тот был на пути в суд. Сын и тезка этого Уильяма де Броза проявил вспыльчивость, оскорбив одного из судей Королевского суда, вынесшего приговор против него. Король Эдуард I был не тем человеком, который мог бы оправдать подобное поведение; однажды он выгнал из суда даже принца Уэльского за наглость по отношению к судье, и Брозу пришлось облачиться в покаянную одежду, пройти через

...сбросив его в пруд...

Вестминстерский зал, когда там заседал суд, и извиниться перед судьей. Если даже лорды подавали такой пример своим подданным, то неудивительно, что более мелкие люди занимали позицию чванства и высокомерия, разъезжая с вооруженными бандами по рынкам и ярмаркам лишь для того, чтобы получить удовольствие от запугивания людей. В качестве примера бессмысленной наглости можно привести констебля Шрусбери, который заплатил своему кучеру 4 пенса за то, чтобы тот проехал через деревню Крессаж, крича «Векар, Векар», что должно было оскорбить как мужчин, так и женщин. Характер оскорбления нам неочевиден, но он был очевиден для жителей деревни, поскольку одна из женщин осмелилась возразить. Кучер ударил ее и ранил мужчину, бросившегося ей на помощь, но затем ему пришлось

136 бежать, и он был застрелен, за что его господин получил полную компенсацию.

Что бы ни означало слово «Векар», не может быть никаких сомнений в том, что Роберт Саттон оскорбил Роджера Портленда, клерка лондонского шерифа, когда воскликнул в суде: «Тфру, тфру!». Это односложное междометие звучит презрительно, и его значение, конечно же, не требовало, чтобы Роберт подчеркивал его, «подняв большой палец», к сожалению, не уточняется, подносил ли он его к носу или нет, поскольку было бы интересно обнаружить «длинный нос» в 1290 году. Городские чиновники, особенно мэры и олдермены, были очень обидчивы, пользуясь «гнусными и отвратительными злоупотреблениями», замечая все и наказывая даже за безобидные возражения, и я, конечно, сочувствую сапожнику Колларду, которого отправили в тюрьму в Норвиче только потому, что, когда мэр приказал ему сбрить бороду, он отказался сделать это и сказал: «Нет, однажды я побрился, и пообещал себе, что никогда больше не расстанусь со своей бородой, я был плохо побрит». Тем не менее нет сомнений в том, что, каким бы производом ни злоупотребляли власти, над ними тоже бывали судебные процессы, и, если чиновники часто превышали свои полномочия, то им приходилось сталкиваться с другой стороной

медали. Люди менее привилегированного происхождения, чем Уильям де Броз, при случае могли высказать судьям, что они думают о них. В 1300 году в Сассексе некий Генрих де Бискеле явился в деревенский суд и попросил разрешения высказать определенные вещи «именем короля», и, таким образом добившись молчания и внимания всего суда, он разразился жестокими оскорблениями в адрес одного из судей, назвав его лжецом и используя другие нецензурные выражения, за что ему посчастливилось избежать наказания в виде штрафа в размере 20 шиллингов. Примерно через пятьдесят лет в Певенси произошел еще более вопиющий акт неуважения к суду. Туда прибыл управляющий королевской, Джон де Молинс, чтобы провести там суд, но, будучи занятым утром, назначил вместо себя заместителя; этот чиновник, кажется, рассердил горожан, и когда он приказал им удалиться, вопреки их местным обычаям, Роджер Портер предложил ему выйти на улицу и драться там. Во время обеденного перерыва чиновник доложил о положении дел, а во второй половине дня в суд явился сам управляющий в сопровождении портрива², несущего его

² Портрив — чиновник, обладающий политической, административной или фискальной властью над городом.

белый жезл, но горожане отказались прийти по вызову, Роджер и Саймон Портеры, в частности, заявили, что они не обязаны присутствовать. Наконец управляющий поднялся в гневе и приказал схватить обоих Портеров, которые убежали к себе домой и стояли в дверном проеме с обнаженными мечами. Между ними и людьми управляющего завязалась ожесточенная битва, в которой несколько человек получили ранения, но в конце концов победа осталась за законом.

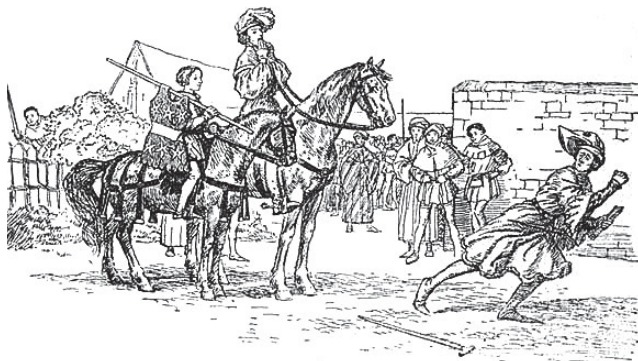
Даже Королевский суд в Вестминстере не был застрахован от беспорядков. В 1332 году Джон Пэрис, выступавший в качестве поверенного Адама Бассета в судебном иске против Флоренс де Олдхэм, ожидал в большом зале Вестминстера, где заседал суд. Он сидел за столом «рядом с продавцами драгоценностей», из-за чего казалось, что нижний конец холла использовался для киосков или по крайней мере для торговли драгоценностями, даже когда рассматривались дела. Вскоре пришла Флоренс с двумя мужчинами, которые начали оскорблять Джона Пэриса, угрожая убить его, если он не откажется от иска; Ричард Калвар стащил его со стола и ударил так, что пошла кровь, а Томас Ньюарк выхватил нож и, наверное, убил бы его, если бы ему не помешали. Джон сразу же направился к судейскому столу

*...стояли в дверном проеме
с обнаженными мечами...*

и пожаловался судьям, которые приказали арестовать нападавших, но они устремились к двери, и к ним присоединился Томас Торнхемтон с обнаженным мечом. Однако судебные приставы, клерки и поверенные заперли двери и разоружили их, и все они были переданы смотрителю Тауэра.

Во всех этих случаях нарушители спокойствия терпели быстрое поражение, но иногда им удавалось добиться успеха, хотя этот успех и был временным, и рано или поздно их настигала месть. Кажется, что ни один суд не был столь непопулярным, как церковный; имея дело с моральной стороной жизни, они затрагивали людей таким образом, что, должно быть, вызывали постоянное раздражение, даже если архидиаконы и их судебные клерки не вели себя несправедливо и вымогательски. Таким было довольно распространенное мнение средневековых англичан, от Чосера до его современника Джона Белгрейва. Последний, когда архидиакон Лестерский собирался провести суд, составил четко прописанный билль, где говорилось, что архидиакон и его чиновники вполне могут стоять в одном ряду с судьями, осуждавшими Сусанну, выносившими несправедливые приговоры, притеснявшими невинных и страдающих злодеям. Это так напугало архидиакона и его чиновников,

...тот немедленно убежал...

чья совесть, возможно, не была чиста, что они не осмеливались проводить свои суды. Гражданские суды также подвергались роспуску, особенно те, что проводились шерифами под открытым небом. Однажды в XIV веке, когда шериф Сассекса проводил подобный суд, подъехал Джон Эшбернхэм с пажом, несущим его гербовую накидку, и так пригрозил шерифу, что тот немедленно убежал. Чтобы ускорить его побег, Эшбернхэм присвистнул в пальцы (умение уличных мальчишек, которого, я должен признать, мне так и не удалось достичь, несмотря на неоднократные усилия), и на этот свист внезапно поднялись из засады его оруженосец и другие люди. В суды присяжных тоже вмешивались, особенно на севере. В конце правления Эдуарда II в Ланкашире было несколько высокопоставленных лиц,

142 которые разъезжали с вооруженными людьми и появлялись в судах с пятьюдесятью или шестьюдесятью головорезами, чтобы убедить своих противников отказаться от исков, или, если это оказывалось безуспешным, терроризировали судей. Главным из них был сэра Уолтер Брэдшоу. Он был одним из заклятых сторонников сэра Адама Банастера во время его восстания, участвовал в нападении на Ливерпульский замок и захвате Халтона. После поражения его друзей при Престоне он был вынужден покинуть страну. Вернувшись позже, он вел частную войну с сэром Ричардом де Холландом, другим хулиганом того же порядка, каждый из них разъезжал с небольшой армией, угнетая арендаторов друг друга и открыто бросая вызов правосудию. Эти войны между провинциальными семьями, несомненно, были более захватывающими, ведь процесс драки на мечах — гораздо более интересное зрелище, чем отведенные взгляды и вздернутые носы, но можно усомниться в том, что они способствовали веселью соперничающих вассалов. Эти слуги, если верить сэру Ральфу Эверсу, не всегда играли свои роли с той вежливостью и учтивостью, которые проявляли их хозяева. Однажды он возмутился слугой сэра Роджера Гастингса, который сказал: «Вы притворщик, я окажу вам любезность и научу, как

вести себя учтиво с джентльменом». Возможно, он был тогда раздражен, так как выслеживал засаду, устроенную сэру Роджеру. Должно быть, было неприятно обнаружить, что поймал всего лишь своих слуг. Сам сэр Роджер тоже был довольно вспыльчивым; он был в ссоре с неким Ральфом Дженнером. Однажды на Рождество по пути в церковь он обнаружил, что Ральф уже в церкви; он тотчас же решил, что это время мира и спокойствия было подходящим поводом для того, чтобы положить конец этой ссоре (и его противнику), но викарый бросился перед ним на колени, а леди Гастингс подбежала к Ральфу Дженнеру и воскликнула: «Как же так, в такой день! Служба будет завершена, а вы уходите, из уважения к прихожанам бегите, скройтесь с его глаз». После чего Ральф, то ли из уважения к прихожанам, то ли ради собственной безопасности, бежал.

Иногда случалось, что эти властные дворяне пожинали плоды собственного беззакония и подталкивали угнетенных арендаторов к активному восстанию. Уже в XII веке шериф Хантса записывает на свой счет деньги, потраченные на отправление правосудия в отношении крестьян, которые сожгли своего господина. Однажды воскресной ночью 1426 года в Факкомбе владельца поместья

Джона Панчардона вытащили из постели, увели в поля и казнили там. В данном случае, вероятно, имело место какое-то личное чувство, поскольку среди убийц было пять членов семьи Косина, чьи предки ранее владели именем, но затем перешли в положение рабочих. Неприязнь к угнетению была более явным мотивом восстания в случае, произошедшем в Престоне в Сассексе в 1280 году, когда вилланы Симона де Пьерпойнта подожгли его поместье и, размахивая ножами и топорами, вынудили его поклясться на Евангелии, что он не будет требовать от них никаких услуг без их согласия и не станет предпринимать никаких действий против них за содеянное. В то же время они уничтожили герб своего лорда, так избили его коня, что на нем уже нельзя было ездить, и убили его «нежного сокола», тем самым выместив свой гнев на внешних признаках его благородства. Подобные бунты гораздо чаще случались в городах. Например, в 1313 году в Линне, когда Роберт Мухаут попытался применить свою власть в новом направлении, толпа торговцев под предводительством настоятеля напала на его дом, выволокла его и заставила стоять у позорного столба на рыночной площади и поклясться, что он не будет мешать городским чиновникам. Примерно в это же время в Бристоле

горожане поссорились с кастеляном, забаррикадировали улицы и воздвигли стену, из-за которой обстреливали замок, а в Оксфорде в стражников несколько раз стреляли из луков. В более поздние времена случайный выстрел в наблюдателя имел более катастрофические последствия для стрелка.

Но если лорды, городские чиновники и судьи иногда обнаруживали, что их властью пренебрегают, а сами они подвергались опасности из-за неуважения к тем, кто должен был подчиняться им, их судебные процессы нельзя было сравнивать с судебными процессами над низшими должностными лицами, такими как бейлифы. Когда в XIV веке Филипп Бервик стал бейлифом Хейлшема, ему пришлось бежать, чтобы спастись от некоего Джона Бакхольта, который терроризировал всю округу, преследовал викария в церкви, убил несколько человек и так напугал коронера, что тот не осмелился проводить какие-либо расследования. С такими людьми, как этот Джон Бакхольт, известный как народный король, жизнь бейлифа едва ли была счастливой, да и вообще жизнь судебного исполнителя могла быть захватывающей, но далеко не счастливой. Едва ли человек, который должен был отправиться по судебным поручениям в Дрейтон Бассет, мог радоваться, когда узнал, как преступники

...кричал, угрожая заставить его съесть иск...

хвастались, что «как бы ни был смел тот, кто станет предъявлять ордер, он должен налететь на вилы». Не было ничего необычного и в том, что, когда Томас Талбот и Томас Гайфорд подали иск на Агнес Мотт, она натравила на них вооруженную банду, заставила стоять на коленях и есть воск и пергамент. В протоколах описано такое количество подобных случаев, что кажется, будто податели исков должны были привыкнуть к диете из воска и пергамента. Похоже, также существовал обычай подачи исков в церкви, не лишенный риска, поскольку святость этого места далеко не всегда подавляла нрав ответчика. Когда Уильям Нэш вручил иск Джону Арчеру на церковном дворе в Ильмингдоне, тот кричал, угрожая

...вышвырнул его из церкви...

заставить его съесть иск, а затем, когда Нэш стоял на коленях в церкви, он подошел к нему и сказал: «Молись за свою длинную шею, ты будешь повешен, прежде чем я съем облатку». Когда Джону Чейни также в храме подали иск, он схватил служителя за плечи и вышвырнул его из церкви, сказав, что «отрежет ему нос и уши, выжжет глаза и свернет шею».

Принимая во внимание беды, причиненные более могущественными людьми, находящимися у власти, тем, кто им подчинялся, и боль, которую испытывали те, кто исполнял свои обязанности, я не думаю, что средневековое население всегда было счастливым и радостным. И если кто-то, прочитав эту статью, все еще думает, что Англия в Средние века была «радостным» местом, я могу только повторить вслед за Робертом Саттоном: «Тфру! Тфру!»

VI. Слоновая кость, обезьяны и павлины

В библейском повествовании о чудесах царствования Соломона есть фраза, которая меня всегда восхищала. «Раз в три года приходил из Фарсиса флот, привозивший золото и серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов» (3 Цар. 10:22). И очарование заключается не только в кричащем великолепии бивней и слитков, полированном блеске павлиньих перьев или в сверхъестественных, слишком человеческих гротескных манерах обезьян, а в том разнообразном множестве безымянных предметов, которые, должно быть, составляли груз этих кораблей, плывущих из далекого Фарсиса — яркие ткани, расшитые крылышками жуков, странные раковины, покрытые драгоценными камнями мечи, резное сандаловое¹ дерево и таинственное дерево альмуг².

¹ Dantalum album, он же индийский сандал.

² Pterodarpus sanialinus, он же красный сандал.

Возможно, альмуг не является загадкой для хорошо осведомленного человека, но признаюсь, что всегда тщательно избегал поиска ответа на эту загадку. Я мог бы повторить то, что было сказано о пурпурной корове: «Я никогда не видел альмугового дерева, я никогда не хочу его видеть», потому что я уверен, что это станет большим разочарованием. Разгрузка корабля — это увеличенная и менее личная версия распаковки рождественской корзины, радость, идущая из детства, потому что в девяти случаях из десяти, в зрелые года мы теряем талант извлекать неожиданное из вороха бумаги, ниток и соломки. Конечно, разгружать корабль приходилось немногим, и, возможно, среди них были люди со скудным воображением, которым коносамент казался чем-то обыденным и скучным, но для меня каждый такой список является лакомым кусочком. Коносамент XV века вызывает те же чувства, которые мы испытываем, когда достаем ящик из старого забытого бюро нашей прабабушки. Предметы повседневного обихода того времени теперь забыты, и требуется изобретательность, чтобы угадать назначение некоторых из них, в то время как, с другой стороны, мы всегда удивляемся, когда обнаруживаем, что некоторые вещи, которые мы используем до сих пор, были известны уже тогда.

Трюм корабля, как и бедность, роднит тех, кто там оказывается. В 1390 году сотня прялок, символов спокойной домашней жизни, прибыла в лондонский порт вместе с девяноста тремя дюжинами мечей, причем последние принадлежали Герарду ван Барле, который, очевидно, был либо торговцем оружием, либо армейским поставщиком. Шестьсот апельсинов по пятнадцать центов мы находим лежащими между восьмью бочонками лака и девятью стеклянными кубками; бочка консервированных фиников стоит между двенадцатью ярдами льняной ткани и полдюжиной бобровых шапок. В 1490 году в гавань Винчелси прибыл корабль из Дьеппа и привез дамаск и атлас, бочки с вином, лезвия, иглы, накидки из шкуры леопарда, пять гросс колод играль-ных карт и восемь гросс латунных «Agnus Dei». Последние, к сожа-лению, казались значи-тельно менее ценными, чем прибывшие с ни-ми «дьявольские книги». «Agnus Dei» представ-ляли собой таблички с изображением святого Агнца, и, казалось, что были настолько распро-странены, что это слово

...латунных
«Agnus Dei»...

152 стало синонимом мемориальной доски, как в описи драгоценностей Генриха VII встречается «Агнус Приветствия Богоматери». Таким же образом в сознании людей четки стали настолько ассоциироваться с молитвами, что, когда мы видим в списке привезенного «патерностеры» или «молитвенники» из янтаря, коралла, олова или «дерева», то очень просто убедиться, что речь идет именно о четках или бусинах в современном понимании орнаментов. Предметы благочестия, естественно, фигурировали в основном в импорте Средневековья, фигурки из окрашенного дерева или олова, часто встречающиеся в лондонских таможенных отчетах 1390 года, а также различные изделия из алебастра, которыми славилась Англия, и в частности Ноттингем, в XV веке были нашим основным экспортом. Следует признать, что в целом наш экспорт в то время был очень унылым по сравнению с импортом; ткань, шкуры и зерно — не более чем скучные товары, и, хотя частое упоминание эля и пива могло бы порадовать сердце мистера Беллока или покойного мистера Калверли, я остаюсь к этому равнодушным. Однако мне попался один интересный предмет в экспорте XV века из Бристоля — это постоянное упоминание бочонков с «испорченным вином» в грузах, следовавших в Ирландию

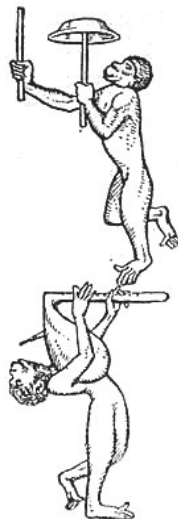
и только туда. Это очень похоже на «очередную несправедливость по отношению к Ирландии». К этому непрехотливому напитку прилагалось большое количество меда, возможно, для того, чтобы нейтрализовать его кислоту.

Если экспортируемая ткань впечатляла отсутствием разнообразия, то подобное обвинение невозможно предъявить в отношении привозной ткани. Груз, привезенный кораблем Мэтью Клейсона, дает простор для воображения, ведь там были платки с Кипра и из Сирии (так по крайней мере я истолковываю «*ciḡian*»), восточные и блестящие платки, 707 фунтов булавок для их крепления. Есть что-то манящее в «бодрике», припудренном кипрским золотом, и даже в «шамеле» и «сарценете». Мне нравятся старинные названия тканей, и, какими бы ни были их достоинства в качестве материалов, я считаю, что наши современные торговые термины, такие как «виелла» и «эолайн» (если так произносятся их названия), теряются на фоне «аррас», «байесо», «боупер», «болтер», «боррато», «баффин», «бустиан», «бомбаси», «калиманко», «каррелл», «дорникс», «фризадо», «фустин», «грогрэйны», «мокадо», «минникин», «макарелл», «олиотт», «помет», «плюметт», «перпетуан», «раш», «расселль» и «стамелл», «тюк», «таметт» и «вудмоль».

Но если в этих и подобных им словах и есть очарование, то отчасти это очарование неизвестностью, и я был бы благодарен любому, кто мог бы объяснить мне, что именно Уолтер Хейк привез в лондонский порт в 1390 году, так как помимо двух упаковок с четырнадцатью чашами и других узнаваемых товаров, он привез три тысячи пятьсот «редуок», десять сотен «рускин», столько же «попл» и, что самое удивительное, восемь тысяч *boni operis*, что означает «хорошая работа». Борюсь с искушением населить произведение множеством подобных терминов и противопоставить этот груз тому, что привозят из современных португальских портов.

Пока грузы наших кораблей мало напоминали содержимое фарсисских кораблей, но, если павлинов найти сложнее, то слоновая кость в виде гребней встречается довольно часто, а что касается обезьян, то в 1490 году Клемент из Рая привез домой четыре дюжины бабуинов. Следует подчеркнуть, что эти обезьяны попадали не в зоопарки — будучи маленькими гротескными фигурами, они часто встречаются в средневековых описаниях. У Эдуарда III было не только несколько тарелок с изображенными на них бабуинами, но и одна чаша, описанная как позолоченная и покрытая эмалью с «разнообразными обезьянами».

*...разыгрывая бесчисленные
шалости...*

В то же время живая обезьяна была довольно обычным явлением; они фигурируют на страницах десятков рукописей, разыгрывая бесчисленные шалости, нередко в наряде священника, монаха или послушника. Обезьян держали многие дворяне, и, когда Томас Бекет, будучи канцлером Англии, отправился с посольством ко двору короля Франции Людовика VII, на каждой вьючной лошади его великолепной кавалькады сидели обезьяны. Товары из Венеции в 1436 году включали «обезьян и мармозеток с хвостами», и ранее обезьяны были привычным импортом, и фигурировали в таможенных списках многих морских портов, а в Норвиче они стоили 40 пенсов за одну обезьяну — немалая сумма. Вместе с обезьянами в этих списках в Норвиче встречается и медведь, за ввоз которого в страну заплатили 42 пенса. Медведи были даже более привычным зрелищем, чем обезьяны, они не только выступали со странствующими артистами, но и многие из этих несчастных животных содержались для

156 травли собаками. Вероятно, именно в спортивных целях сэр Джон Буршье, граф Бат³, держал полдюжины медведей, которых после Реформации он поселил в ликвидированном монастыре Черных Братьев (доминиканских монахов) в Фишертоне, недалеко от Солсбери. Там они жили безмятежно до тех пор, пока, по словам Гарри Саттона, их смотритель Джон Дэви и его жена Агнес с другими гадкими и злобными людьми не ворвались в убежище, где их держали, и Агнес, «будучи одной из самых безумных и проклятых женщин», бросила отравленный хлеб на землю и в воду, которую пили медведи. В результате погибли три медведя, а также свинья одного бедняка, которая попила из пруда; еще одна несчастная женщина, которая умылась водой из пруда, так опухла, что чуть не умерла», — я позволяю себе подумать, что это было преувеличением со стороны Гарри Саттона. У каждой истории всегда есть обратная сторона. По словам Джона Дэви, он арендовал часть монастырских земель, и его жена спокойно прогуливалась там, когда Саттон, чтобы напугать ее, отвязал «самого большого и злого медведя» и натравил его на нее, и она, будучи

³ Джон Буршье, 2-й граф Бат (1499 — 10 февраля 1561 года).

«в ужасе и растерянности», побежала, упала на бегу и получила травмы, от которых умерла. Эти две версии сильно расходятся, и если Саттон мог показать трех мертвых медведей и свинью в подтверждение своей истории, то Дэви мог бы показать мертвую супругу в подтверждение своей.

Генрих III был счастливым обладателем белого медведя, которого водили купаться в Темзе, чтобы он мог развлечься и поймать рыбу, все это, несомненно, к огромной радости юных лондонцев. Это был подарок короля Норвегии. Вообще нашим королям часто дарили диковинных зверей, среди которых чаще всего встречались, конечно же, львы и леопарды, намекая на королевскую власть. Черный принц⁴ однажды послал своему отцу льва и леопарда. Попутно можно отметить любопытную черту геральдического льва, заключающуюся в том, что он не может смотреть на человека анфас; если лев смотрит на вас, то, значит, это леопард. Я признаю, что это звучит скорее как школьное описание извилистой палестинской реки: «Иордан течет прямо посередине карты, но, когда вы смотрите на нее, она извивается», — но, тем не менее,

⁴ Эдуард, герцог Корнуольский, 2-й принц Уэльский, принц Аквитании (1330–1376); старший сын короля Англии Эдуарда III.

...если лев смотрит на вас,
то, значит, это леопард...

это факт. В ранней геральдике тощий и грозный зверь, который выполняет обязанности льва, называется леопардом, если смотрит в профиль. Впоследствии более поздние поколения геральдических авторов превратили трех золотых леопардов Англии в «шествующих и смотрящих прямо львов», но на самом деле это были леопарды, и для тех из нас, кто предпочитает геральдику классического периода ее упрощенному и жаргонизированному потомку, они по-прежнему остаются леопардами. В то же время, поскольку едва ли можно было ожидать, что живые львы будут постоянно смотреть через левое плечо, королевский зверинец у Тауэра обычно был заполнен настоящими леопардами и львами. На протяжении поколений и даже столетий львы Тауэра пользовались почти таким же привилегированным положением, что и одноименные медведи Берна, и были столь же впечатляющим, но более гуманным зрелищем, чем «*Christianos ad leones*» (растерзание христиан дикими животными), так что посмотреть на них непременно водили всех деревенских кузенов. Следовательно, они тогда были синонимом всего того, что придумал Бедекер⁵.

⁵ Карл Бедекер — издатель путеводителей по разным городам и странам.

Похоже, что средневековые англичане питали пристрастие к диковинным животным в сочетании с нежеланием платить непомерную плату за то, чтобы увидеть их. В 1364 году Эдуард III был вынужден приказать мэру и шерифам Лондона защитить Роджера Оуэри и Джона Уанта, которым он поручил опеку над неким египетским зверем под названием «ойр». Какие-то люди, которые, по-видимому, хотели увидеть зверя, не заплатив, пригрозили напасть на них и убить «ойра». Что это было за существо, неясно; возможно, это был зубр или буйвол — богемский «мстительный зверь», по словам Борда. Что бы за животное это ни было, его опекуны, которые, без сомнения, надеялись, что из его демонстрации можно будет извлечь выгоду, похоже, заключили сомнительную сделку, и та же участь постигла Томаса Чарльза, Сквайера, и Уильяма Линда примерно столетие спустя, когда они получили от короля разрешение заботиться о «существе, называемом эйстрихом». После этого они отправили страуса по стране под присмотром Ричарда Аксмита и Джона Пирса, «чтобы воспрепятствовать созерцанию королевского любимца» — и, конечно же, чтобы взять за это деньги и набить свои собственные карманы. «Как они были поражены тем, что в определенных местах почтение

*...несчастный «страус»
был «очень сильно избит»...*

к королю и чему-либо королевскому не было сильно, и различные злоумышленники начали нападать на вышеупомянутого любимца, Ричарда Аксмита и Джона Пирса». В Ройстоне толпа, подстрекаемая настоятелем, напала на зрителей и сделала страуса «зрелищем для всего народа», а несчастный «страус» был «очень сильно избит». Когда они приехали

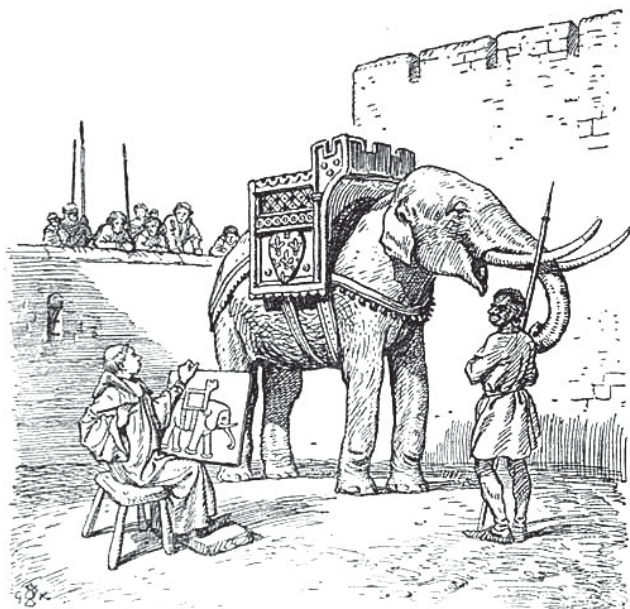
162 в Норвич, один из шерифов заключил их в тюрьму как «мошенников» и «позволил, чтобы эта птица бесплатно демонстрировалась всем, кто пожелает ее увидеть». Не повезло им и в следующем городе, Бери-Сент-Эдмундс, где они снова попали в тюрьму, а птица показывалась горожанам бесплатно — так что они поняли всю бессмысленность попыток продемонстрировать королевскую птицу за деньги». Похоже, на этом их тур по восточным землям подошел к концу.

Страус редко встречается в текстах именно под этим привычным названием, а из его яиц часто делали чаши, которые называли «яйцо грифона» или «грипа». У Эдуарда III было несколько «яиц грифона», а у Генриха IV их было полдюжины, «но, возможно, к тому времени этот термин был только условным, и было известно истинное происхождение яйца, поскольку тогда же «грипами» называли «двух белых страусов» короля. Грифон, наполовину орел и наполовину лев, был очень популярным средневековым зверем. То, что никто никогда не видел его и что его не выставляли напоказ, могло означать лишь то, что этот зверь «настолько презирает вассалов и подчинение, что никогда не позволит поймать себя живым». Появление среди сокровищ Ричарда II блюда, удерживаемого двумя грифонами, наводит на

мысль об аналогии с Джубдзубом, о котором говорится, что «на благотворительных собраниях он стоит у дверей и собирает подаяния, хотя и не подает сам». Если в отношении «яиц грифона» возникают сомнения, то еще более сомнительным кажется «позолоченный сосуд для питья, сделанный из рога грифона», который принадлежал Эдуарду III. Это вполне можно поставить в один ряд с реликвией, хранившейся в кафедральном соборе Рочестера – «жезлом Моисея», особенно учитывая тот факт, что жезл был у Аарона и что у грифона нет рога.

Если у наших предков никогда не было возможности увидеть грифона и они не смогли оценить страуса, когда получили возможность увидеть его, нет никаких сомнений в том, что они видели и оценили по достоинству первого слона, появившегося в Англии. Это был подарок короля Франции Людовика⁶ Генриху III. Он сошел на сушу в Сэндвиче в 1255 году, откуда неторопливо проследовал в Лондон, вызывая у всех изумление. Он прожил всего несколько лет. Затрудняюсь сказать, когда появился его преемник, но подозреваю, что прошло очень много времени, прежде чем Англию снова посетил слон. Незадолго до своей оплакиваемой

⁶ Людовик VIII, по прозвищу Лев.

*...позировал для портрета
Матфею Парижскому...*

кончины он позировал для портрета Матфею Парижскому и еще одному летописцу тех лет, и полученные в результате эскизы довольно узнаваемы. Слон не был любимым объектом средневековых художников, хотя в 1397 году у графа Арундела был гобелен (вероятно, восточной работы), «украшенный львами, слонами и узорами». Если кто-то пожелает узнать, как это выглядело, то достаточно пойти в старинный дом на Маркет-стрит в Рае, где можно увидеть именно такой гобелен со слонами

и прочим, воспроизведенный как настенная живопись. Кстати, о слонах. Не так давно один ученый написал статью с увлекательным названием «Как слон стал епископом»; на самом деле речь шла об эволюции шахматного слона, но какое название для сказки!

Слоны для человека средневекового сознания неразрывно связаны с драконами, поскольку известно, что между слонами и драконами была жестокая вражда. А тема драконов очень широко распространена. Насколько мне известно, последний, по крайней мере в Западной Европе, был убит в 1660 году в римской Кампанье, а его убийца сам умер, отравившись его ядовитым дыханием. А чуть менее чем за полвека до этого, в 1614 году, молодого дракона девяти футов в длину с только начинавшими расти крыльями, видели в Сассексе, неподалеку от Фейгейта, в лесу Сент-Леонардс. Конечно, в прежние времена их было гораздо больше, Швейцария кишела ими. А Люцерн был тогда примерно таким же популярным районом для охоты на дракона и василиска, как теперь это место популярно среди туристов Кука. Северные графства, особенно Дарем и Нортумберленд, также были полны «непослушными червями». В двух поместьях, с давних времен принадлежавших епископу Дерема, ежегодно демонстрировали мечи,

*...смастерил искусственного дракона
по образцу настоящего...*

которыми грозные предки арендаторов убивали Сокбернского Червя и грозного Брауна Бранспетского — кабана, по сравнению с которым все обычные кабаны были всего лишь как крупный рогатый скот по сравнению с Серой Коровой, которую Ги Уорвик убил мечом, все еще хранящимся в Уорвикском замке. Возможно, наиболее известным из драконов был тот, которого Деодатус Гонзаго убил в 1345 году на Родосе. Этот хитрый и предусмотрительный рыцарь смастерил искусственного дракона по образцу настоящего и заставил двух своих слуг залезть внутрь и заставить его двигать-

ся. Таким образом, он приучил свою лошадь и своих собак к ловле драконов, и его труды были вознаграждены смертью чудовища и его собственным избранием во главе рыцарей Святого Иоанна.

Другим известным драконом был Тараск. Кажется, когда святая Мария Магдалина высадилась в Марселе, она поселилась в пещере дракона; дракон был бесцеремонно изгнан и улетел выше по течению Роны, но ему не повезло. Первым, кого он встретил при приземлении, была святая Марта. Она его пожурила и передала крестьянам, которые убили его, но увековечили имя дракона в Тарасконе. Существовало большое количество разновидностей драконов, но я думаю, что самым интересным из всех, о которых я когда-либо читал, был один из серебристых драконов, принадлежавший Генриху IV. Этого дракона описывали как «похожего на бабочку». Трудно вообразить что-либо менее похожее на дракона, чем эта бабочка. В то же время некоторые из этих ужасных зверей кажутся совсем незначительными. Амфисбена, хотя и представлена в Бестиариях как грозный дракон с головами на каждом конце тела, изначально была совсем маленьким червяком, настолько маленьким, что человек мог взять и нести ее без каких-либо неудобств. Носящий ее никогда

168 не чувствовал озноб; в этом отношении она, казалось бы, была «противоположностью саламандры, чья плоть была настолько холодной, что тушила огонь». Известно, что Генрих V купил у торговца рыбой попугая, двух обезьян и трех саламандр. Интересно, что это были за саламандры; если это были жуткие и непривлекательные черные ящерицы с желтыми пятнами, которые носят это имя сегодня, боюсь, что король был огорчен. И если бы он захотел проверить их предполагаемую способность жить в огне или по крайней мере тушить его, я боюсь, что саламандры разделили бы это огорчение.

Помимо наземных и воздушных чудовищ, конечно же, существовали средневековые разновидности морского змея. Матфей Парижский пишет, что в 1255 году на побережье Норфолка было выброшено чудовище больше самого большого кита. Поскольку это был год, когда в Англии появился первый слон, я уж было подумал, что их было двое, но один из них упал за борт и утонул. Однако совершенно случайно я наткнулся на судебное дело, возникшее из-за прав на прибрежную полосу и связанное с этим самым морским чудовищем. Оказалось, что пережившие кораблекрушение очевидцы подтверждали, что это существо, кем бы оно ни было, было вполне живым,

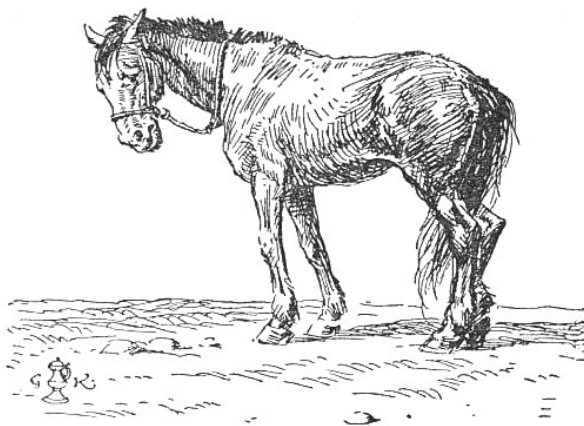
когда его впервые заметили, поскольку при его захвате было потоплено не менее шести лодок. К сожалению, описание монстра отсутствует, но я склоняюсь к мысли о том, что это был большой кашалот. Пятнадцатью годами ранее, в 1240 году, согласно тому же хронисту, у устья Темзы произошло большое сражение китов, в результате которого один из них был ранен и поднялся по реке, едва успел протиснуться через арки Лондонского моста и достиг Мортлейка, прежде чем был убит. Пресноводным чудовищем или по крайней мере тем, которое зародилось в реке или колодце, а затем перебралось на сушу, был ужасный Ламбтонский червь, который являлся скорее неприятностью, чем опасностью, поскольку до тех пор, пока он регулярно получал полное корыто молока, он довольствовался этим и лежал, свернувшись кольцом вокруг Ламбтонского холма.

Еще одним ужасным монстром был василиск, который всегда очень интересовал меня, с тех пор как я увидел его изображение, сделанное Карпаччо в церкви Святого Георгия в Венеции (после долгого яростного спора с гондольером, который знал не Святого Георгия, а Святого Джорджо Маджоре). Василиск известен прежде всего своей долгой и непримиримой враждой с центикором или

170 йейлом — странной свиньей-антилопой⁷, которая сейчас, как и в давние времена, сидит на мосту в Хэмптон-Корт.

Ужасных зверей немало, но ни один из них не был настолько разрушительным с моральной точки зрения, как благородный друг человека — лошадь. Всем известно происхождение греческого слова «лицемер», от двух других слов: «хиппо» — лошадь, и «крит» — торговец лошадьми, следовательно, обманщик. Архиепископ Йоркский, похоже, придерживался того же мнения, когда запрещал келарю из Ньюбурга торговать лошадьми на том основании, что это занятие не подходит для религиозного человека, потому что в переговорах между покупателем и продавцом практически невозможно избежать греха. Было бы хорошо, если бы в 1426 году викарий Колитона в Девоне, Джон Хилл, задумался об этом, прежде чем продал лошадь Уолтеру Траунсу, «зная, что лошадь болеет различными болезнями и не может работать». Судя по описанию, лошадь принадлежала к той же породе, что и нанятая Уильямом Дриффельдом у Томаса Плевенера,

⁷ Указание на «свинство» центикора целиком на совести автора, равно как и рассказ о вражде с ним василиска. Традиционно центикор — антилопа с большими рогами, способная поворачивать их в любую сторону.

...лошадь...

лондонского трактирщика, который гарантировал, что она здорова, сильна и вынослива достаточно, чтобы отвезти мастера Уильяма в Уолсингем, куда тот собирался в паломничество. Несмотря на гарантию, лошадь, не пройдя и двадцати миль, «остановилась и не двинулась дальше», и ее пришлось оставить в Уэре, где она околела «от разных болезней». У Ричарда Чепмена был похожий опыт, когда он нанял лошадь у Кристофера Томаса, чтобы отправиться в Йорк; в конце первого дня путешествия она «упала под ним и околела». Вероятно, продавцы свалили вину на клиентов, как и Роберт Грен, корсур (т. е. торговец лошадьми — не путать с корсаром, пиратом), который, продав лошадь Джону Бонаунтру, жаловался, что «упомянутый Джон скакал на упомянутой

172 лошади», в результате чего она «погибла и была полностью уничтожена». Случилось ли это из-за хрупкости лошади, которая предназначалась только для украшения пространства, или из-за неуместной изнурительной езды покупателя, остается загадкой.

Как и следует ожидать, мулы доставляли столько же хлопот, сколько лошади. В XV веке одному валлийскому священнослужителю по имени Джон Эван брат-клерк Джон Григ поручил мула, «которого у него не было, которого сэр Джон Григ приобрел и которого должны были доставить для него из Рима в Лондон». Что именно произошло в том путешествии, не разглашается, но мул, похоже, «оказался в несколько раз более неприятным, чем Модестин⁸ в Севеннах, потому что Джон Эван был счастлив совершить камбицион (обмен), к своему огорчению и нежеланию», и почувствовал себя очень обиженным из-за того, что по возвращении его призвали к ответу за пропавшего мула. Судя по всему, хорошее знание юридического жаргона было устным, а не письменным, поскольку он призвал магию закона, потребовав «wryte of sorserare», в котором трудно распознать «судебный приказ».

⁸ Осел, на котором Р. Л. Стивенсон пересек горы Севенны в 1878 году.

Одним из самых смертоносных оскорблений было подрезать хвосты лошадям противника. Похоже, это было так же ужасно, как библейский обычай укорачивать платья посланникам. В XV веке Джон Энот, архидиакон Бекингема, со слезами на глазах жаловался, что некий Томас Конелой (?) помешал ему выполнять свои обязанности по наказанию грешников и приказал отрезать хвосты его лошадям. Подобное оскорбление вспыльчивого Томаса Беккета вызвало яростное осуждение архиепископом своих врагов и привело к его убийству и, следовательно, к его канонизации, из чего следует, что «Кентерберийскими рассказами» Чосера мы обязаны укороченным хвостам архиепископских лошадей. Путь от оскорбления до нападения короткий, и лошади привели многих к нежелательному финалу. Здесь мне вспоминаются приключения викария, собаки и ключа. Случилось это во время правления Генриха VI. Уильям Рассел, викарий Мера в Сомерсете, покинул свою церковь в пять часов вечера Страстной пятницы, «будучи весь день до этого буднично поглощен исповеданиями». Он запер церковь и направился домой, но по дороге встретил одного из своих прихожан, Джона Тотена, злого человека, «не почитавшего ни Бога ни церкви». Тотен держал в руке семифутовый посох с «огромной

пикой» на одном конце, и с ним была «ужасная огромная собака», которая сразу же напала на викария, так как хозяин «натравил своего злобного пса на викария и сказал: „Эй, Девгард“». Я не знаю, звали ли собаку Дьюгард, что кажется маловероятным, или Дугальд, что вполне возможно, но я скорее склоняюсь к мысли, что Тотен произнес «хорошая собака» с провинциальным акцентом, звучало это как: «Эй! Гуде дарг!» Как бы то ни было, этот пес, зная команды своего хозяина, подбежал к (викарию) и укусил его за руку, а затем повалил на землю, и, вероятно, викарий мог быть убит Джоном Тотеном и его собакой, — добрый священник при воспоминании о волнующем происшествии забывает о грамматике и путается в словах, — но Богу было угодно, чтобы он ударил упомянутого пса ключом от церковной двери, и после этого пес убежал. На следующий день почтенный Уильям Рассел поспешил к своему патрону, аббату Гластонбери, и показал ему свои раны — «свою одежду, перепачканную в крови и свою искусанную руку»; но он получил прохладное утешение и скупое сочувствие. Тотен был слугой аббата, который сказал: «Все, что было сделано, было сделано для защиты моего человека, и если вы сделаете моему слуге что-нибудь плохое, то пожалуете, потому что я буду защищать его».

...показал ему свои раны...

Собаки всех мастей и всех пород —

Мастиф, борзая, дворняга.
Гончая, спаниель или ищейка
Бобтейл с загнутым хвостом...

достаточно часто встречаются в старинных записях, и достаточно часто их владельцы попадали в беду из-за браконьерства, но при этом на них не так уж часто жаловались в связи с нападениями, как можно было бы ожидать. Я помню, как наткнулся на один довольно интересный случай, когда мужчина пожаловался, что соседские собаки гнались за ручным оленем, принадлежавшим его дочери, и, когда она вмешалась, чтобы спасти его, они покусали ее за руки. Содержание ручных оленей было обычным делом. Однажды Эдуарду III подарили ручную лань, привезенную из Сент-Олбанс

...вооруженных до зубов мечами и щитами...

в Вудсток, а примерно пару столетий спустя священник из Линкольншира Джон Барнарди-стон, настоятель Грейт-Коутс, для собственного развлечения и к удовольствию своих друзей, «приручил, вырастил и держал ручного детеныша лани». К сожалению, он поссорился с сэром Кристофером Аскью, который подстрекал Уильяма Моркроппа и других «завистливых и злых людей» убить лань. Они узнали, где она пасется днем и ночью, и увели ее в дом Моркроппа, где на следующий день собрались «с оружием; то есть с посохами, копьями, мечами и щитами, — почти чрезмерным вооружением для этой цели, убили несчастную лань

и отнесли ее тело сэру Кристоферу, который, когда Барнардистон пожаловался на «легкомысленную и бессмысленную игру», пригрозил, что с ним случится что-нибудь похуже, если он не будет сидеть молча. Сочувствуя настоятелю в связи с потерей его питомца, трудно отрицать, что собрание из полудюжины головорезов, вооруженных до зубов мечами и щитами, чтобы схватить одну маленькую ручную лань, очень походило на двадцать четырех портных, которые отправились убивать улитку, что не лишено комизма.

Послесловие редактора

Льюис Френсис Зальцман внес безусловный вклад в формирование экономической истории Англии средневекового периода. По словам самого автора, «эта книга и была написана с определенной целью, но цель эта состояла не в том, чтобы наставлять и поучать, а скорее в том, чтобы заинтересовать и развлечь, что является гораздо более высокой миссией». С присущим ему высокопробным английским юмором, он предваряет эту сентенцию указанием на крайне увлекательный характер его основных исторических шуток. Можем только догадываться, насколько интересными были эти занятия, Зальцман же знал о них не понаслышке, что и вынуждало его пару раз совершать разворот в сторону «более высокой миссии». Три тропинки были выбраны автором для того, чтобы выбежать за рамки опостылевшей обыденности и однообразия: диковинки и экзотические товары,

преимущественно предметы роскоши, попадавшие в Англию; далекие путешествия за границы европейского универсума; и вторжение бестиарно-геральдических монстров и чудовищ. Завороженному автору музыкой звучат названия восточных тканей, и в унисон он сам замечает, что никогда не знал и не хотел узнать, что за дерево — альмуг. Так и не разобрался: дамаск, дамаскин, дамаскет — они ведь разные, названия отсылают к общему для всех месту происхождения — сирийскому Дамаску. Ткали ткань в Дамаске, много позже и в Европе, но шелк, как известно, привозили из Китая. А то, что ткань была изготовлена на льняной, хлопчатой, шелковой основе; могла быть с вплетением золотых нитей, а могла без оных, то, что узор на ней был выткан, а не нанесен поверх, осталось за рамками повествования. Равно как и то, что сама по себе бестиарная традиция достаточно четко распадается на два этапа, два разных набора бестий, из общего имеющих только названия: античную и средневековую. А уж геральдические звери — они и вовсе третий набор удивительного в этом списке, вполне отдельный от первых двух. Кому интересно узнать об этой теме подробнее, могу порекомендовать прочитать две очаровательных книги, вышедшие в серии *Parvus Libellus* ранее: «Василиск

античных врачей и магов» и «Василиск: алхимическая мутация», обе одного автора — А. Г. Юрченко. Все гораздо хуже с путешествиями, ибо «количество тех, кто проникал еще дальше на таинственный Восток, было невелико». И забавно, как в глазах автора достоверность сведений сэра Джеффри Ленгли подтверждается сообщениями Гонсалеса де Клавихо. Действительно, не привлекать же местные источники, их ведь писали не англичане и даже не европейцы. По необходимости, позволим себе пространную цитату: «К концу XII века татары, кочевое племя, населявшее регион между Кавказом и Евфратом и исповедовавшее несторианство, приобрели известность в Европе благодаря популярности своего хана, знаменитого пресвитера Иоанна. Однако в 1203 году он был убит ужасным Чингисханом — Моголом из Туркестана, чьи преемники через одно или два поколения переняли этноним и религию покоренных татар. Аргон, царь татар, принял христианство в 1289 году и в союзе с царями Армении и Грузии нанес тяжелое поражение силам султана. Позже, в том же году, его послы прибыли в Европу, получив задание проповедовать новый крестовый поход за изгнание сарацинов из Палестины. Подкрепленные благодарственными письмами папы, они посетили английский двор. Король

182 Эдуард принял их и написал Аргону письмо, в котором выразил радость по поводу предложенного им нападения на султана Вавилона и пообещал приехать лично, как только папа одобрит его поездку в Святую Землю. Чтобы скрепить союз, он пообещал послать царю несколько кречетов, о которых тот просил. Это письмо было написано в сентябре 1290 года, а в следующем году соколы были отправлены вместе с посольством сэра Джеффри Лэнгли». Какого труда стоило бы автору разобраться в наслоениях смыслов, мифов и искажений — далеко не чрезмерного. Но необходимости в этом не было. По его собственному признанию, музыкой звучали названия диких товаров. Анализ звуков, составляющих эту музыку, не входил в круг задач автора. Так за кадром повествования осталось то, что Аргун — ильхан Ирана, был внуком Хулагу — внука Чингисхана. Так что поколений прошло не одно-два, а несколько больше. Как и пространство описываемых событий несколько обширнее столкновения интересов нескольких игроков на Ближнем Востоке. Невротический сценарий крестовых походов уже угас, но фантомные желания повторения очередного цикла были еще живы. Параллельно исчерпался ресурс Монгольской империи в завоевательном движении. Уж больно далеко

от верховной столицы происходили события. Сама столица сменила местоположение: из Каракорума центр силы переместился в Пекин (Ханбалык, на нашем — на монгольском). Великие ханы монгольской империи неизбежно превращались в китайских императоров. И если поход на Багдад был общеимперским проектом, в котором участвовали войска всех улусов единой империи, который тщательно и методично готовился несколько лет; то ко времени правления Аргуна объем поглощенных монгольской империей территорий, стран, народов, культур, цивилизаций весьма способствовал усилению междоусобицы в попытках переделить в свою пользу от общего и обширного объема завоеванного, но не консолидации сил ради дальнейшей экспансии. Еще в правление Абага-хана — отца Аргуна — происходят регулярные столкновения и с Чагатаидами, и с Джучидами. И в союзе с царем Киликийский Армении Хетумом II поражения мамлюкам в Сирии наносил Газан — сын Аргуна. Ему не мешало в этом принятие ислама. Но помешало полному захвату Сирии очередное вторжение Чагатаидов. И можно догадаться, что под принятием христианства в 1289 году следует иметь в виду смену Аргуном мусульманской управленческой элиты на христиан и евреев, последовавшую после

казни визиря Буки. Религиозная терпимость монгольской империи была непредставима европейцам — ни современникам, ни их потомкам. Но сил, достаточных для того, чтобы сломить мамлюкский Египет, не было ни у христианского Запада, ни у монгольского Ирана. Вот и вынашивались планы объединения усилий и совместных военных действий, которые, что естественно, не воплотились в жизнь, но предоставили возможность обмениваться послами, письмами, подарками. Возможность сэру Джеффри Лэнгли совершить свое путешествие, а Льюису Френсису Зальцману — рассказать об этом путешествии. В этом рассказе потомок Чингисхана становился духовным наследником пресвитера Иоанна, и фантом желтого крестового похода обретал возможность материализации. Стоит ли уточнять, что Великие Моголы начались с Бабура, ставшего падишахом в 1507 году, что несколько позже и описываемых событий, и дат жизни Чингисхана. Да и термин этот опять-таки английские колонизаторы Индии придумали. Сами Моголы, надо понимать, себя так не называли. Бабур, кстати, был правнуком Тамерлана. А чингизидская кровь приливалась через браки с представительницами Золотого рода. Тимур Гурган — зять хана. Да и название Туркестан относится и к месту не совсем тому,

и ко времени другому. Таковых собственно было два: Западный Туркестан (он же Русский Туркестан) и Восточный Туркестан (он же Уйгурия). Оба термина в широкий оборот ввели тоже англичане. Не будем судить автора за нежелание узнать, что за дерево — альмуг или разобраться, кому и зачем на самом деле вез письма короля Эдуарда сэр Джеффри Лэнгли. Для этого есть другие книги серии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Различные личные наблюдения, не имеющие важности)	5
I. Знахари и прочие	16
Алхимики	16
Белая магия	25
Черная магия	37
II. Дороги	49
III. Коронации	72
IV. Смерть и врачи	92
V. Власть имущие	122
VI. Слоновая кость, обезьяны и павлины	149
Послесловие	179

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus novus»

Зальцман Льюис Френсис

ЗАКОУЛКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*

Подписано к использованию 14.06.25
Формат 13,0×18,5 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Дух Средневековья, плоть и кровь повседневной жизни интересовали Л. Ф. Зальцмана не менее чем экономическая история. Если «Жизнь в Англии в Средние века» посвящена обыденности, то «Закоулки Средневековья» отдают должное всему маргинальному и экзотическому. Героями повествования становятся алхимики, астрологи, шарлатаны-целители, преступники. Компанию им составляют слоны, драконы, львы, василиски, грифоны, а еще ужасный Ламбтонский Червь и подаренный королю Генриху III белый медведь, которого «водили купаться в Темзе, чтобы он мог развлечься и поймать рыбу». И нет разницы между животными из зверинцев королей и знати и монстрами из бестиария — они занимают в сознании людей Средневековья равноправные места. Им сопутствуют диковинные товары, преимущественно предметы роскоши, и экзотические путешествия за пределы цивилизованного мира. Сам автор сказал о своем труде так: «Эта книга и была написана с определенной целью, но цель эта состояла не в том, чтобы наставлять и поучать, а скорее в том, чтобы заинтересовать и развлечь, что является гораздо более высокой миссией».